

В. И. Сизовъ.

МИНІАТЮРЫ

КЕНИГСБЕРГСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

(Археологическій этюдъ).

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРЕХЪ ФОТОТИПИЧЕСКИХЪ ТАБЛИЦЪ).

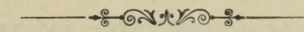
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

В. И. Сизовъ.

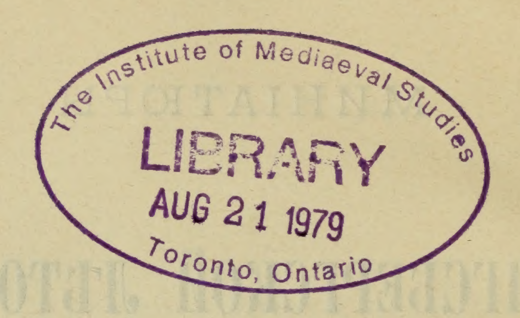
МИНІАТЮРЫ
КЕНИГСБЕРГСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

(Археологическій этюдъ).

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРЕХЪ ФОТОТИПИЧЕСКИХЪ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1905 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. X (1905 г.), кн. 1, стран. 1—50.

Миніатюры Кенигсбергской лѣтописи.

(Археологическій этюдъ).

Кенигсбергская лѣтопись представляетъ въ научномъ отношеніи особенный, выдающійся интересъ благодаря большому количеству раскрашенныхъ миніатюръ, которыми обильно иллюстрируется текстъ лѣтописи. Эти иллюстраціи, придающія самой лѣтописи характеръ живописной русской исторіи, могли бы служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для изученія русскаго быта, если бы уже при первомъ знакомствѣ онѣ не возбуждали сомнѣній въ пригодности ихъ для этой научной цѣли, такъ какъ въ этихъ живописныхъ изображеніяхъ съ первыхъ страницъ чувствуется ясно иноземное вліяніе, чуждое древнему русскому быту.

Весьма естественно желаніе ближе и обстоятельнѣе ознакомиться съ этимъ любопытнымъ памятникомъ съ цѣлью выяснить возможно точнѣе характеръ и степень иноземныхъ вліяній въ этихъ изображеніяхъ и выдѣлить изъ нихъ несомнѣнно русскія бытовыя черты. Полное выполненіе такой задачи представляетъ на первый разъ большія трудности въ томъ отношеніи, что требуетъ привлеченія для сравненія многихъ матеріаловъ, которые не находятся въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи; поэтому мы должны ограничить нашу задачу болѣе скромными

рамками, т. е. постараться выяснить лишь наиболѣе характерныя черты этихъ иллюстрацій.

Трудность изслѣдованія Кенигсбергской лѣтописи усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ однимъ иллюстраторомъ, а съ нѣсколькими разнохарактерными и быть можетъ разновременными, при чемъ рисунки болѣе поздняго иллюстратора искажаютъ и прикрываютъ первоначальныя иллюстраціи, и это искаженіе совершается весьма усердно.

Такимъ образомъ мы считаемъ необходимымъ прежде всего отмѣтить отличительныя черты работы различныхъ мастеровъ этихъ иллюстрацій нашей лѣтописи.

Первоначальными, наиболѣе древними рисунками, мы должны считать тѣ, которые сдѣланы перомъ и тѣми же коричневаго цвѣта чернилами, какими написана и самая лѣтопись. Уже въ этомъ признакѣ, по нашему мнѣнію, заключается органическая связь этихъ рисунковъ съ текстомъ лѣтописи. Болѣе поздніе рисунки сдѣланы кистью и черной краской — цвѣта сажи; этого рода рисунки преобладаютъ въ нашей лѣтописи, прикрывая, какъ бы новымъ наслоеніемъ, старые первоначальные рисунки съ коричневымъ контуромъ. Рисунки втораго слоя уже должны принадлежать другому рисовальщику, работа котораго вообще ясно выдѣляется замѣчательной небрежностью и торопливостью, а также постояннымъ стремленіемъ рѣзко измѣнить и даже уничтожить старые контуры. Такое критическое отношеніе не оправдывается однако художественными достоинствами новыхъ рисунковъ, сдѣланныхъ чернымъ контуромъ.

И въ древнихъ рисункахъ съ коричневымъ контуромъ встрѣчаются уже отдѣльныя изображенія несомнѣнно иноземнаго типа; въ рисункахъ же чернаго контура такого рода заимствованія особенно часты и характерны, они появляются даже внѣ требованій текста, обличая въ данномъ случаѣ въ авторѣ этихъ иллюстрацій весьма близкое знакомство со всякаго рода представленіями иноземной жизни.

Весьма возможно предположить, что лишь незначительный

промежутокъ времени раздѣляетъ работы, сдѣланныя коричневымъ контуромъ, отъ работъ, болѣе новыхъ, сдѣланныхъ чернымъ контуромъ.

Наконецъ въ иллюстраціяхъ лѣтописи можно замѣтить, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, вторженіе третьяго наслоенія—въ тѣхъ дополнительныхъ изображеніяхъ, которыя сдѣланы перомъ, но рѣзко выдѣляются очерками темно-вишневаго цвѣта. Эти изображенія вишневаго контура не играютъ однако важной роли въ иллюстраціяхъ лѣтописи, потому что встрѣчаются не часто, спорадически, и представляютъ лишь поправки и дополненія, относящіяся исключительно къ изображеніямъ подробностей конскаго убора, какъ напр. пахвей, поводьевъ и ихъ украшеній, а также шпоръ. Эти дополнительныя изображенія, отличаясь чисто иноземнымъ, западнымъ характеромъ, выраженнымъ напр. въ трилистныхъ привѣскахъ на пахвяхъ, въ кольчатыхъ поводьяхъ,—обличаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ руку совершенно неопытнаго, случайнаго рисовальщика, заинтересованнаго исключительно лишь конскимъ уборомъ, выраженнымъ по излюбленнымъ иноземнымъ шаблонамъ. Незначительное количество этого рода подправокъ или дополненій даетъ намъ основаніе ограничиться лишь этими краткими замѣчаніями, и перейти къ существенно важному разбору рисунковъ первыхъ двухъ категорій, т. е. контуровъ коричневыхъ и черныхъ, которые и составляютъ собственно иллюстрацію лѣтописи.

Какъ мы уже упоминали, древнѣйшими рисунками мы считаемъ тѣ, которые сдѣланы коричневымъ черниломъ,—одного цвѣта съ текстомъ лѣтописи. Однако мы должны замѣтить, что не всѣ рисунки этого коричневаго контура, принадлежатъ рукѣ одного мастера:—въ этомъ убѣждаетъ насъ замѣченная нами разница въ художественной манерѣ и въ художественныхъ достоинствахъ однихъ коричневыхъ рисунковъ сравнительно съ другими, сдѣланными тѣми же коричневыми чернилами. Для выясненія этого вопроса мы обратимъ вниманіе прежде всего на слѣдующіе рисунки: изображенія св. Кирилла и Меѳодія на л. 13,

а также на обратной сторонѣ того же листа поставленіе въ епископы Панноніи одного изъ славянскихъ Первоучителей; на л. 141 рисунокъ изображающій ослѣпленнаго Василька, лежащаго на постелѣ въ бѣлой сорочкѣ, и стоящую возлѣ него попадью. Во всѣхъ помянутыхъ рисункахъ можно ясно замѣтить работу опытнаго рисовальщика, усвоившаго себѣ византійскія иконописныя традиціи, и это знакомство съ иконописной школой особенно ясно замѣчается въ тѣхъ сюжетахъ, которые изображаютъ сцены церковнаго характера. Вообще эти рисунки ясны и просты по композиціи, лица здѣсь обыкновенно изображены съ прямыми носами и съ большими выразительными глазами; прекрасно нарисованы кисти рукъ, и складки одежды правильно поняты. Рисовальщикъ въ этихъ рисункахъ, дѣлая отмѣтки, или «движки» на лицахъ, умѣлъ придавать этимъ лицамъ опредѣленное выраженіе, не смотря даже на небольшіе размѣры фигуръ. Твердость и опытность руки въ данномъ случаѣ выражается въ тонкихъ контурахъ, сдѣланныхъ перомъ. Обыкновенно рисунки этого пошиба не выходятъ изъ границъ текста лѣтописи и въ этомъ обстоятельствѣ, по нашему мнѣнію, выражается тѣсная, органическая связь этихъ рисунковъ съ самимъ текстомъ, вызывающая своего рода дисциплину въ размѣрахъ композиціи. Въ характерѣ изображенныхъ предметовъ чувствуется близкое знакомство автора иллюстрацій съ подробностями русскаго быта и въ особенности церковнаго, такъ для примѣра укажемъ на оборотѣ 13 л. на изображеніе царскихъ дверей, на одежды церковнослужителей, а равно на изображенія иконъ, настѣнныхъ крестовъ—во многихъ рисункахъ лѣтописи. Всѣ указанныя нами особенности этого пошиба рисунковъ даютъ основаніе предположить въ авторѣ ихъ не иноземца, а русскаго рисовальщика, усвоившаго себѣ пріемы извѣстной иконописной школы. Такое предположеніе, какъ намъ кажется, подтверждается и отдѣльнымъ рисункомъ на л. 85 (обор.), изображающимъ бунтъ «въ ляхахъ» и избіеніе тамъ епископовъ. Католическіе епископы въ этомъ рисункѣ изображены въ облаченіи православныхъ

епископовъ, что̀ и заставляетъ невольно предположить, что авторъ не зналъ облаченій католическихъ епископовъ, а потому изобразилъ ихъ въ томъ облаченіи, какое было ему хорошо извѣстно.

Указанныя нами особенности рисунковъ перваго пошиба даютъ возможность узнавать работу этого иллюстратора даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда новое наслоеніе, черной краской, прикрываетъ старый рисунокъ. Въ иллюстраціяхъ нашей лѣтописи, кромѣ того, встрѣчаются рисунки, сдѣланные тѣмъ же коричневымъ контуромъ, но въ которыхъ указанныя нами особенности перваго пошиба отсутствуютъ и замѣняются иными. Вообще эти, второго пошиба, рисунки представляются скорѣе набросками, бойкими и свободными отъ традицій школы, иногда, даже весьма талантливыми; въ этихъ рисункахъ прямые носы замѣняются вздернутыми носами, въ особенности въ профильныхъ фигурахъ; рѣзко очерченные глаза уже не встрѣчаются: глаза здѣсь не додѣланы; выраженіе сосредоточивается преимущественно въ линіяхъ рта и въ ближнихъ къ нему складкахъ лица; фигуры въ композиціяхъ соразмѣрны и свободнѣе выражаютъ движенія и жесты, не лишенные иногда извѣстной наивности. При отсутствіи школьныхъ традицій въ этихъ рисункахъ замѣчается тенденція передавать событія возможно реальнѣе. Характернымъ примѣромъ этого рода рисунковъ мы считаемъ миніатюры, изображающія извѣстный эпизодъ изъ осады Бѣлгорода Печенѣгами (л. 72 об.); здѣсь, какъ въ большинствѣ иллюстрацій лѣтописи, въ одной картинкѣ, изображается два послѣдовательныхъ момента: въ первой приготовленіе сыты, и во второй — проба сыты печенѣжскимъ княземъ. Въ обѣихъ картинкахъ Печенѣги изображены въ длинныхъ платьяхъ, въ остроконечныхъ колпакахъ, представляющихъ реальный признакъ восточныхъ народовъ, фигурировавшихъ въ нашей исторіи. Замѣтимъ здѣсь, что подобные колпаки встрѣчаются на фрескахъ Кіево-Софійскаго Собора, и эти колпаки отнесены Н. П. Кондаковымъ къ головному убору восточныхъ наро-

довъ; подобные же головные уборы встрѣчаются въ иллюстраціи армянской рукописи, изданной В. В. Стасовымъ; изображенія подобной шапки найдено нами на фрагментѣ глазированнаго сосуда во время нашихъ раскопокъ въ Сухумѣ (см. Восточное побережье Чернаго моря, В. Сизова т. II, табл. 3, стр. 27). Въ первой картинѣ двѣ закругленныя внизу амфоры, безъ ручекъ отличаются также чисто восточнымъ типомъ. Такимъ образомъ, рисовальщикъ съумѣлъ придать характерныя черты одеждѣ печенѣговъ сравнительно съ русскими. Сравнительно съ рисунками перваго пошиба фигуры здѣсь гораздо бо̀льшаго размѣра, и композиція по этому выходитъ здѣсь на поля рукописи, за границу текста. Нельзя не замѣтить здѣсь правильности жестовъ, достигающихъ выразительности въ изображеніи князя, пробующаго сыту ложкой. Такимъ образомъ, въ изображеніи этихъ двухъ сценъ мы встрѣчаемъ болѣе свободное и болѣе реальное отношеніе второго рисовальщика къ своей задачѣ, сравнительно съ манерой предшествовавшей (первымъ пошибомъ). Къ сожалѣнію, благодаря позднѣйшему наслоенію чернаго контура весьма трудно прослѣдить и учесть работы этого второго пошиба въ иллюстраціяхъ всей лѣтописи.

Наконецъ, кромѣ этихъ двухъ пошибовъ, ясно отличимыхъ, мы встрѣчаемся въ лѣтописи съ рисунками, сдѣланными также коричневымъ контуромъ, и въ которыхъ также чувствуется стремленіе къ реальному изображенію событій, но эти рисунки уже не отличаются твердостью и бойкостью опытной руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ замѣчается характерная несоразмѣрность фигуръ, относящихся къ одной и той же сценѣ, и потому такія сцены кажутся скомпанованными такъ сказать механически, а самыя фигуры являются подобранными случайно, при томъ ученически робко, съ чужихъ оригиналовъ различнаго размѣра (третій пошибъ). Для примѣра укажемъ на л. 96 (оборотъ): рисунокъ здѣсь изображаетъ грека Котопана, сидящаго въ гостяхъ у Ростислава Тмутороканскаго; фигура князя, изображеннаго сидящимъ на богатомъ креслѣ, поражаетъ своей несораз-

мѣрной миніатюрностью сравнительно съ фигурой сидящаго напротивъ Котопана; притомъ слѣдуетъ также замѣтить, что князь здѣсь изображенъ почти безбородымъ, а въ типѣ его лица чувствуется слишкомъ много индивидуальности, заимствованной съ чужого, притомъ не русскаго рисунка, а потому совершенно случайной. Вообще старческій типъ лица князя поражаетъ своимъ несомнѣнно чужеземнымъ характеромъ; шапка его чисто нѣмецкая, притомъ условно вычурная, потому что лопасти ея отгиба превращены въ завитки, напоминающіе волюты іонійскихъ колоннъ; но подобныя шапки встрѣчаются въ нѣмецкихъ изображеніяхъ XV вѣка, какъ напр. въ Нюренбергской хроникѣ 1493 года. Наконецъ, самое сѣдалище князя отличается высокой спинкой, съ весьма характернымъ для Запада навѣсомъ, а потому оно намъ кажется скопированнымъ съ оригинала нѣмецкаго сѣдалища готическаго стиля, но плохо понятаго нашимъ рисовальщикомъ.

Позади Котопана на лѣстницѣ, плохо приложенной къ композиціи, изображена фигура придворнаго стража съ алебардой въ рукѣ; и эта фигура намъ кажется цѣликомъ заносной; доспѣхи воина весьма характерны для XV вѣка въ Германіи, на что̀ въ особенности указываетъ прикрытіе нижней части лица такъ называемымъ «bavière» [1]). Вооруженіе здѣсь не полное, потому что ноги остаются непокрытыми броней. Не только по вооруженію, но и по самой офиціальной позѣ воина изображеніе это также можно считать скопированнымъ съ какого-либо нѣмецкаго оригинала.

Сидящая въ срединѣ фигура Котопана выдѣляется рѣзко своими большими размѣрами отъ двухъ упомянутыхъ лицъ изображенной сцены. Фигура эта сильно испорчена новыми поправками чернаго контура, но все-таки здѣсь можно замѣтить, что и прежняя редакція этого рисунка придала значительно несораз-

---

1) Dans l'habillement militaire français cette «bavière» n'est jamais très developpée, tandis qu'elle prend des proportions énormes en Allemagne». *Viollet-le-Duc.*—Dictionnaire raisonné du mobilier français. T. V, p. 211.

мѣрную величину этой фигурѣ. Профиль лица Котопана указываетъ болѣе на подражаніе профилямъ лицъ, типичнымъ для упомянутаго нами второго пошиба иллюстрацій, наоборотъ лицо самого князя, не смотря на его чужеземный характеръ, болѣе подходитъ къ лицамъ перваго пошиба. Слѣдуетъ также замѣтить, что фигура, изображенная слѣва, какъ кажется женская, не относится къ упомянутой сценѣ и, вообще, не представляетъ ясной связи съ текстомъ лѣтописи. Такимъ образомъ, отсутствіе оригинальности въ изображеніяхъ лицъ, случайность въ композиціяхъ и несоразмѣрность въ нихъ фигуръ, несомнѣнное подражаніе чужимъ оригиналамъ, выраженное весьма робкой манерой въ самой рисовкѣ, — составляютъ, по нашему мнѣнію, характерныя черты этого третьяго пошиба, сдѣланнаго также коричневымъ контуромъ, и слѣдовательно относящагося также къ первоначальнымъ иллюстраціямъ нашей лѣтописи.

Работы того же робкаго рисовальщика мы узнаемъ и въ рисункѣ на л. 106, изображающемъ разговоръ князя Глѣба съ волхвомъ въ Новгородѣ: композиція здѣсь шаблонна; изображенный посреди князь Глѣбъ держитъ передъ собой сѣкиру, предъ нимъ стоитъ волхвъ, изображенный въ профиль, слѣва позади князя три фигуры, изъ которыхъ одна изображаетъ епископа съ крестомъ; позади волхва также три фигуры — народъ. Фигура волхва отличается здѣсь несоразмѣрностью, она крупнѣе фигуры князя, а также и другихъ фигуръ изображенной сцены; кромѣ того по безбородому лицу, по длиннымъ волосамъ, откинутымъ назадъ, по шубѣ нѣмецкаго покроя — изображеніе волхва представляется намъ совершенно чуждой для русской жизни фигурой, попавшей сюда лишь случайно: по всему вѣроятію рисовальщикъ, удалившись отъ настоящаго характера лѣтописнаго разсказа, задумалъ изобразить волхва въ видѣ нѣмецкаго ученаго или мудреца, и рабски скопировалъ эту фигуру съ какого-либо нѣмецкаго оригинала. Замѣчательно, что на той же страницѣ внизу изображенъ князь Изяславъ Ярославичъ въ нѣмецкомъ головномъ уборѣ (XV ст.),

съ длинными волосами по плечамъ и въ длинномъ нѣмецкомъ кафтанѣ, какъ у волхва. Такимъ образомъ, на одной страницѣ въ двухъ рисункахъ мы встрѣчаемъ два различные типа русскаго князя; наконецъ, если мы сравнимъ съ первымъ рисункомъ (князь Глѣбъ и волхвъ) рисунокъ, уже упомянутый нами находящійся выше, на л. 72 (об.), изображающій печенѣжскаго князя, пробующаго ложкой сыту, то нельзя не видѣть въ послѣднемъ рисункѣ талантливаго рисовальщика, передавшаго весьма реально жестъ князя, пробующаго сыту; напротивъ того, жестъ князя Глѣба, угрожающаго топоромъ волхву, переданъ крайне неумѣло и наивно, а потому, въ силу этихъ различій, по нашему мнѣнію, оба эти рисунка должны принадлежать различнымъ рисовальщикамъ, работы которыхъ можно сопоставить, какъ работы учителя и робкаго ученика копировальщика.

Несомнѣнно болѣе позднимъ является тотъ контуръ, который сдѣланъ черной краской, и при томъ не перомъ, а кистью: на технику кисти указываютъ намъ частыя утолщенія контура и перерывы въ его линіяхъ. Этотъ сравнительно поздній черный контуръ вмѣстѣ съ новой, болѣе сложной раскраской представляется господствующимъ въ рисункахъ лѣтописи, потому что прикрываетъ и измѣняетъ старые рисунки, оставляя ихъ нетронутыми лишь случайно и въ немногихъ мѣстахъ. Въ прежнихъ коричневаго контура рисункахъ краски накладывались легко и прозрачно, и при томъ самая гамма красокъ была не велика; въ рисункахъ же чернаго контура краски отличаются бóльшимъ разнообразіемъ тоновъ, бóльшей густотою и даже смѣшиваются съ бѣлилами, напоминая такимъ образомъ «гуашь». Пользуясь такой густотой красокъ, новому рисовальщику можно было съ большимъ удобствомъ искажать и прикрывать старые рисунки.

Въ художественномъ отношеніи отличительный характеръ этого новаго контура сказывается въ особенности въ замѣчательной небрежности и торопливости рисунковъ: небрежность чувствуется здѣсь прежде всего въ изображеніи глазъ и носовъ,

сдѣланныхъ посредствомъ короткихъ мазковъ, придающихъ лицамъ однообразный курносый и подслѣповатый типъ; эти лица новаго контура весьма далеки по типамъ отъ перваго, болѣе древняго. По отношенію къ композиціямъ можно замѣтить здѣсь больше осложненій въ группировкахъ, и больше детальныхъ изображеній, дополняющихъ изображенныя сцены; но тѣмъ не менѣе въ группировкахъ войска встрѣчается чаще всего извѣстнаго рода шаблонность: обыкновенно группа конныхъ воиновъ представляетъ собою треугольникъ, вершина котораго образуется заостреннымъ шлемомъ самаго задняго воина; если въ такомъ детальномъ изображеніи группы воиновъ старый коричневый контуръ еще просвѣчиваетъ, то можно легко замѣтить, что прежній рисовальщикъ, изображая группу воиновъ, довольствовался лишь двумя горизонтальными линіями, т. е. изображалъ воиновъ всего въ два ряда; такую группировку можно замѣтить и въ изданномъ Срезневскимъ житіи Св. Бориса и Глѣба. Что же касается до пристрастія новаго рисовальщика къ пирамидальной группировкѣ, то это оригинальное свойство кажется возможно объяснить господствовавшимъ еще въ древнее время въ нѣмецкой тактикѣ построеніемъ коннаго войска клинообразнымъ строемъ. Въ описаніи «Ледоваго Побоища» наши лѣтописи, описывая такое построеніе у Ливонскихъ рыцарей, называютъ его свиньей [1]).

Во многихъ случаяхъ замѣтно у новаго рисовальщика пристрастіе къ смѣлымъ ракурсамъ, въ особенности въ изображеніяхъ лошадей; ракурсы лошадей напоминаютъ иногда такіе же ракурсы въ Biblia pauperum; эти ракурсы лошадей и людей, хотя и выражены неумѣло, тѣмъ не менѣе обличаютъ наблюдательность реалиста и свободу замысла. Новый рисовальщикъ, относясь критически къ старымъ, коричневымъ рисункамъ,

---

1) Говоря о боевомъ построеніи нѣмецкаго войска на стр. 281 Шульцъ выражается такъ: «Für den Angriff endlich ist die pyramidale (d. h. keilförmige) Ordnung die beste». Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger, dr. Alwin Schultz. Leipzig 1889.

осложняетъ композицію, и не стѣсняясь границами текста, выноситъ свои рисунки на поля рукописи.

Критическое отношеніе новаго рисовальщика къ старымъ рисункамъ въ особенности ясно замѣтно въ новыхъ наклейкахъ, прикрывающихъ новыми изображеніями старые рисунки. Такихъ наклеекъ въ лѣтописи находимъ четыре, л.л. 88 до 89. Изъ нихъ представляется наиболѣе характерной первая наклейка, подъ которой мы находимъ древній рисунокъ коричневымъ контуромъ, иллюстрирующій просвѣтительную дѣятельность Ярослава Мудраго, а именно миніатюра изображаетъ группу священниковъ, занимающихся перепиской книгъ; эта миніатюра по всѣмъ признакамъ относится къ первому пошибу, и по раскраскѣ и по стилю она подходитъ совершенно къ тѣмъ рисункамъ, которые изображены на л. 13 лѣтописи, воспроизведенные въ краскахъ фотомеханическаго изданія Радзивилловской лѣтописи. На новой наклейкѣ изображенъ совершенно другой сюжетъ, относящійся къ послѣднимъ строкамъ текста этого 88 листа. Этотъ новый сюжетъ относится уже не къ дѣянію Ярослава Мудраго, имѣющему первостепенное историческое значеніе, а къ походу сына его Владиміра на Ямь: рисунокъ изображаетъ эпизодъ этого похода, когда случился въ войскѣ Владиміра моръ на коней, и съ нихъ еще съ живыхъ сдирали кожи.

Въ этихъ двухъ сюжетахъ нельзя не видѣть коренного различія во взглядахъ двухъ рисовальщиковъ на задачи лѣтописныхъ иллюстрацій: сюжетъ второго рисовальщика, относящійся лишь къ незначительному эпизоду похода Владиміра, выражаетъ вкусъ реалиста, оправдываемый лишь близостью иллюстраціи къ послѣднимъ строкамъ текста.

На оборотѣ 88 л. древній рисунокъ подъ наклейкой, не особенно ясный по содержанію, по нашему мнѣнію, впрочемъ, изображаетъ сцену, когда князь съ своей дружиной во время неудачнаго похода въ Грецію рѣшается возвратиться въ Русь. На наклейкѣ же изображенная сцена относится къ предшество-

вавшему моменту похода, а именно это гибель корабля и большей части дружины Владиміра, котораго спасаетъ воевода Ярослава, нринимая на свой корабль. Первая, древняя иллюстрація относится къ тѣмъ строкамъ текста, которыя находятся ниже рисунка, а новая, на наклейкѣ, относится къ строкамъ текста надъ рисункомъ. Въ художественномъ отношеніи древній рисунокъ по нашему мнѣнію можетъ быть сближенъ съ рисунками третьяго пошиба съ коричневымъ контуромъ (ср. на оборотѣ 96 л. рисунокъ: Котопанъ въ гостяхъ у Ростислава).

Третья наклейка л. 89 изображаетъ нападеніе Владиміра на преслѣдующихъ его грековъ, и возвращеніе его въ ладьяхъ въ Русь, что̀ описывается въ лѣтописи въ строкахъ, предшествовавшихъ рисунку. Подъ наклейкой древній рисунокъ, изображающій, какъ греки берутъ въ плѣнъ Вышату, относится къ строкамъ, находящимся ниже рисунка.

Наконецъ послѣдняя наклейка, также л. 89, изображаетъ ослѣпленіе Руси, взятой въ плѣнъ греками. Подъ нею, болѣе древній рисунокъ по нашему мнѣнію повторяетъ по сюжету верхній рисунокъ предшествовавшей наклейки. Въ художественномъ отношеніи два послѣдніе, древніе, заклеенные рисунка также относятся къ третьему пошибу. Изъ сопоставленія новыхъ наклеекъ съ древними рисунками ясно видно, что новый иллюстраторъ, заклеивая старые рисунки новыми, руководился исключительно выборомъ такого сюжета, который бы относился къ ближайшимъ верхнимъ строчкамъ текста, не обращая вниманія на историческое значеніе изображаемаго сюжета: здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что такой порядокъ внѣшней близости иллюстраціи къ верхнимъ строкамъ текста можно наблюдать во всей лѣтописи. Съ другой стороны болѣе древній иллюстраторъ въ данныхъ случаяхъ измѣнялъ этотъ порядокъ очевидно въ интересахъ значенія сюжетовъ, т. е. сознательнѣе относился къ содержанію лѣтописи.

Слѣдуетъ также замѣтить, что всѣ эти новые рисунки на наклейкахъ выходятъ далеко на поля за линію текста, что̀ встрѣ-

чается во многихъ случаяхъ и въ другихъ рисункахъ, сдѣланныхъ черпымъ контуромъ; такое свойство вызывается, какъ намъ кажется, болѣе сложными композиціями и менѣе заботливой и размашистой манерой новаго иллюстратора.

Къ числу особенностей рисунковъ чернаго контура можно отнести еще слѣдующее.

Изображеніе духовенства въ этихъ новыхъ иллюстраціяхъ, также, какъ изображеніе сценъ церковнаго характера, остаются въ старомъ коричневомъ контурѣ безъ измѣненія, а если встрѣчаются измѣненія, то они являются не существенными, такъ напр. количество складокъ на фелони иногда сокращается сравнительно съ прежнимъ контуромъ, но характеръ складокъ и самой одежды не измѣняется. Тоже самое можно замѣтить по отношенію къ изображеніямъ иконъ — старый коричневый контуръ иконъ остается безъ измѣненія. Можно думать, что церковный обиходъ былъ мало знакомъ новому рисовальщику, и онъ воздерживался здѣсь отъ рѣзкихъ искаженій и поправокъ. Вообще можно замѣтить, что изображенія иконъ, напр. Спасителя, Богоматери, надписей на нихъ, крестовъ на пеленахъ, низенькихъ царскихъ дверей—несомнѣнно исполнены рукою русскаго рисовальщика, болѣе или менѣе близкаго къ русскому иконописному дѣлу и къ русской церковной жизни.

Но изображенія монашескаго головного убора или: «куколя» принадлежатъ по большей части рукѣ новаго рисовальщика (черный контуръ), и эти изображенія, сдѣланныя весьма неумѣло, обличаютъ руку иноземца, совершенно не усвоившаго себѣ характера этого головного убора[1]).

Въ рисункахъ чернаго контура замѣчается повсюду непониманіе стариннаго русскаго костюма, и постоянное стремленіе передѣлать и исказить его по своему—посредствомъ наложенія

1) Въ иныхъ случаяхъ можно замѣтить, что новый рисовальщикъ для изображеній монашескихъ головныхъ уборовъ пользовался заготовленнымъ коричневымъ контуромъ, весьма правильнымъ, но искажалъ его, покрывая черной краской.

густыхъ красокъ, или измѣнить его новымъ чернымъ контуромъ: укажемъ для примѣра на л. 82 и 82 об., гдѣ рисунокъ изображаетъ бѣгство, а затѣмъ кончину Святополка Окаяннаго: на первомъ рисункѣ русской княжеской шапкѣ чернымъ контуромъ приданы бо̀льшіе размѣры, что̀ сближаетъ ее уже съ нѣмецкой шапкой. Замѣтимъ здѣсь, что подобныхъ передѣлокъ шапокъ въ смыслѣ увеличенія ихъ размѣровъ, встрѣчается весьма много въ рисункахъ лѣтописи. На второмъ рисункѣ (л. 82 об.), изображающемъ смерть князя, опущенная внизъ часть шейной оторочки или ожерелья, закрашена густо красной краской подъ цвѣтъ одежды, т. е. эта древняя часть шейнаго украшенія уничтожена, а оставлена только одна круглая оторочка вокругъ шеи, покрытая желтой краской; между тѣмъ уничтоженная лопасть ожерелья составляетъ характерную часть верхняго накладного украшенія одежды, встрѣчающейся часто и въ иконописи.

Исключительно чернымъ контуромъ исполнены въ лѣтописи дополнительныя изображенія къ прежнимъ рисункамъ, занимающія по большей части поля рукописи; эти дополнительные рисунки часто не представляютъ живой связи съ текстомъ и съ композиціями прежнихъ рисунковъ: одни изъ такихъ рисунковъ представляются какъ бы вставками въ прежнюю композицію, и, изображая отдѣльный эпизодъ, осложняютъ ее, такъ напр. на л. 150 (обор.) рисунокъ изображаетъ нашествіе Владиміра Мономаха и русскихъ князей на половцевъ, когда русскіе захватили и перебили стражу половецкую и половчанина Алтунопа: здѣсь бородатая фигура половчанина пририсована на полѣ лѣтописи, внѣ границы рисунка, шаблонно изображающаго схватку двухъ конныхъ войскъ. Этого старика тащитъ за бороду ближайшій, самый заднiй изъ конныхъ воиновъ, для чего новый рисовальщикъ этому воину долженъ былъ измѣнить поворотъ фигуры, обративъ её назадъ, а также и пририсовать руку.

Подобную же дополнительную пририсовку на полѣ рукописи мы встрѣчаемъ и на л. 210 (обор.): здѣсь пририсованнаго безоружнаго воина тащитъ за руку конный воинъ. На л. 167 об.

въ группѣ воиновъ задній воинъ, сдѣланный новымъ чернымъ контуромъ, получилъ новый поворотъ, и стрѣляетъ назадъ изъ лука.

Кромѣ того нѣкоторыя пририсованныя изображенія имѣютъ по всему вѣроятію аллегорическое значеніе, какъ напр. на л. 155, гдѣ изображена битва на рѣкѣ Сальницѣ, на нижнемъ полѣ рукописи чернымъ контуромъ пририсована змѣя, которую крайній воинъ изъ войска поражаетъ копьемъ; здѣсь же, сбоку, пририсована и собака.

На оборотѣ того же листа текстъ лѣтописи «ходи Ярославъ сынъ Святополчъ на ятвяги второе и побѣди я» — поясняется изображеніемъ группы воиновъ, возвращающихся въ городъ, причемъ задній воинъ, пририсованный черной краской, замахивается саблей на медвѣдя, пририсованнаго на полѣ рукописи тою же черной краской. По всему вѣроятію изображеніе змѣи и медвѣдя въ данномъ случаѣ могутъ символизировать: природу степи, какъ враждебную силу, и лѣсной характеръ страны ятвяговъ.

Аллегорическій смыслъ можно замѣтить также и въ изображеніяхъ трубящихъ герольдовъ (напр. л. 167) въ чисто нѣмецкихъ двухцвѣтныхъ костюмахъ: этими изображеніями какъ бы подчеркивается значеніе разсказываемыхъ лѣтописью событій, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится о заключеніи мира между враждующими сторонами. Такой же аллегорическій смыслъ мы находимъ и въ нагой фигурѣ, изображенной со щитомъ въ одной рукѣ, и съ дубовымъ желудемъ — въ другой: фигура помѣщена на 166 об., гдѣ идетъ разсказъ о примиреніи враждовавшихъ князей; эта нагая фигура характерна по своему реалистическому стилю, обличающему отголоски италіанскаго «возрожденія» на нѣмецкой почвѣ. Отмѣтимъ въ томъ же смыслѣ и другую нагую фигуру, изображающую отрока, убѣгающаго изъ Кіева къ Днѣпру — къ воеводѣ Претичу. Эта фигура представляется намъ заимствованной и лишь приспособленной къ сюжету, и напоминаетъ скорѣе изображеніе античнаго

Меркурія, но въ плохой передачѣ: художникъ, какъ кажется, вертикально изображенный оригиналъ передалъ просто въ наклонномъ положеніи, желая выразить этой позой движеніе къ рѣкѣ съ намѣреніемъ ее переплыть (л. 35).

Весьма отдаленныя вѣянія античныхъ оригиналовъ сказываются и въ изображеніяхъ фигуръ на л.л. 169, 170, одѣтыхъ въ безрукавныя туники, иногда съ разрѣзомъ.

Говоря о пририсовкахъ на поляхъ нашей рукописи, нельзя не отмѣтить тѣхъ пририсованныхъ чернымъ контуромъ изображеній, которыя повидимому никакой связи съ текстомъ не имѣютъ, а являются здѣсь благодаря лишь капризной фантазіи рисовальщика,—такъ напр.: обезьяна, очень характерно изображенная, встрѣчается на полѣ лѣтописи тамъ, гдѣ текстъ разсказываетъ и поясняетъ иллюстраціей уходъ торковъ и берендѣевъ изъ Русской земли (л. 158). Также нѣтъ связи съ текстомъ въ изображеніи кошки и мышей (л. 161).

Такого рода пририсовки указываютъ по нашему мнѣнію на несерьезное отношеніе рисовальщика къ своей задачѣ, т. е. къ иллюстраціи самаго текста. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что въ этихъ пририсованныхъ изображеніяхъ звѣрей чувствуется большая наблюдательность рисовальщика и его реалистическій вкусъ, свойственный вообще нѣмецкимъ художникамъ XV столѣтія: русскій рисовальщикъ въ то время не могъ бы такъ прекрасно и реально передать напр. фигуру обезъяны, близкое знакомство съ которой было весьма обычно на западѣ. Еще во время упадка Римской имперіи обезъяны играли почетную роль въ зрѣлищахъ цирка. Въ средневѣковыхъ замкахъ обезъяны содержались вмѣстѣ съ другими любимыми животными. Въ нѣмецкой миніатюрѣ XIII — XIV ст. встрѣчаются уже изображенія странствующаго музыканта съ обезъяной на плечѣ.

Укажемъ также на такое изображеніе льва которое удаляется отъ русскихъ обычныхъ изображеній этого звѣря, и весьма живо напоминаетъ намъ многочисленныя нѣмецкія ге-

ральдическія изображенія льва, какія напр. встрѣчаются въ Нюренбергской хроникѣ. Здѣсь, какъ и въ нашей лѣтописи, особенно характерными являются сильно развитыя лапы льва и энергія его движенія: у русскихъ львовъ такихъ утолщенныхъ лапъ мы не встрѣчаемъ.

Такимъ образомъ въ упомянутыхъ нами примѣрахъ можно ясно замѣтить вторженіе нѣмецкаго вліянія въ иллюстраціи, сдѣланныя чернымъ контуромъ. Это вліяніе еще сильнѣе представляется намъ въ изображеніяхъ одежды и вооруженія, сдѣланныхъ тѣмъ же чернымъ контуромъ. Но прежде, чѣмъ перейдти къ обзору этого рода предметовъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по отношенію къ изображеніямъ лошадей, встрѣчающихся такъ часто въ иллюстраціяхъ лѣтописи.

Замѣчательно, что типъ лошадей, изображенныхъ на рисункахъ какъ коричневымъ, такъ равно и чернымъ контуромъ, представляется совершенно однообразнымъ; типъ лошади, проходящей чрезъ всѣ рисунки лѣтописи, отличается слѣдующими характерными чертами: это лошадь тяжелаго склада, массивная, съ весьма толстыми копытами и иногда рѣзко обозначенными подковами; шея постоянно круто выгнута кверху; уши большія. Всѣ эти признаки дѣлаются особенно замѣтными, если сравнить типы этихъ лошадей съ лошадьми, изображенными напр. въ извѣстномъ житіи св. Бориса и Глѣба, изданномъ Срезневскимъ: кони въ рисункахъ этого житія отличаются болѣе сухими формами тѣла, длинными и тонкими ногами и небольшими копытами безъ подковъ, шея поднята кверху, и вмѣстѣ съ выпуклой грудью образуетъ выгибъ, весьма характерный для породы степныхъ лошадей; головы этихъ лошадей нѣсколько приподняты кверху, уши весьма небольшія. У лошадей нашей лѣтописи, въ большинствѣ случаевъ головы опущены внизъ почти по вертикальной линіи, чѣмъ объясняется крутой выгибъ верхняго контура шеи. Вообще по многимъ признакамъ лошади «житія» могутъ быть отнесены къ ярко выраженной степной породѣ лошадей, которая и была въ большомъ распространеніи въ древней Руси. Лошади,

изображенныя въ нашей лѣтописи, напротивъ, складомъ тѣла вполнѣ напоминаютъ тяжелыхъ лошадей средневѣкового рыцарства, и это сходство еще усиливается характерными признаками рыцарскаго сѣдла, у котораго задняя лука состоитъ обыкновенно изъ высокой спинки, напоминающей спинку кресла; эта спинка при быстромъ аллюрѣ играетъ важную роль, служа главной опорой тѣлу рыцаря, ноги котораго, выставляясь далеко впередъ, упираются въ стремена[1]).

Превосходный образецъ такой осѣдланной лошади мы встрѣчаемъ на л. 19 об. (Конь Олега, см. прилаг. цинкогр. II. 9).— Здѣсь не только сѣдло, но и вся збруя чисто нѣмецкія, и въ особенности характерными являются переплетенныя въ клѣтку ремни пахвей. Вообще въ иллюстраціяхъ лѣтописи лошади, изображенныя даже разными рисовальщиками, рисованы точно съ одного оригинала, такъ что можно сказать, что рисовальщикамъ былъ знакомъ одинъ типъ лошадей, и этимъ типомъ была тяжелая нѣмецкая лошадь, которая у насъ на Руси въ XV вѣкѣ была хорошо знакома новгородцамъ.

Нужно также замѣтить, что въ иллюстраціяхъ лѣтописи лошади обыкновенно изображаются вскачъ, и это однообразіе аллюра разнообразится иногда изображеніемъ лошади въ ракурсѣ. Такихъ ракурсовъ въ иллюстраціяхъ русскихъ рукописей, сколько помнится, мы не встрѣчали; этотъ ракурсъ мы встрѣчаемъ въ иллюстраціяхъ нашей лѣтописи напр. на л. 209 и др.

На л. 35 об. нашей лѣтописи изображенъ скачущій на конѣ печенѣжскій князь,—здѣсь паперсь лошади по груди украшена привѣсками, состоящими изъ трехъ кружечковъ, образующихъ пирамидки; эти украшенія, также какъ и кольчатый поводъ, придѣланы самымъ позднимъ по времени вишневымъ контуромъ.

---

1) Близкое знакомство съ иноземными такъ сказать *парадными* лошадьми для Новгорода удостовѣряетъ Никитскій въ своемъ сочиненіи — «Очерки экономической жизни великаго Новгорода» на стр. 74: «Хорошія породы лошадей пріобрѣтались ими (Новгородцами) обыкновенно изъ-за границы и составляли нерѣдко предметъ обычныхъ въ то время пиршественныхъ даровъ».

Украшенія такого рода пирамидками и другого рода привѣсками встрѣчаются часто въ рисункахъ нашей лѣтописи, представляя несомнѣнно заносные мотивы, не знакомые въ такомъ разнообразіи иллюстраторамъ русскихъ памятниковъ.

Въ упомянутомъ изображеніи печенѣжскаго князя нельзя не обратить вниманія также на изображенную здѣсь шпору: шпоры несомнѣнно употреблялись на Руси еще въ древности, на это указываютъ между прочимъ находки шпоръ на Княжой Горѣ; но шпора, изображенная у печенѣжскаго князя, представляется намъ гораздо болѣе позднимъ рыцарскимъ типомъ шпоръ (см. цинк. I. 8): она опущена внизъ, очень длинна и съ большимъ зубчатымъ колесомъ. Во многихъ случаяхъ эти шпоры удлиняются новымъ темновишневымъ контуромъ.

Наконецъ слѣдуетъ обратить также вниманіе на слѣдующее изображеніе: князю подводятъ коня и прислужникъ поддерживаетъ стремя, опустившись на одно колѣно; здѣсь нельзя не замѣтить, что такая поза прислужника указываетъ прямо на этикетъ рыцарской западно-европейской жизни.

Переходя теперь къ обзору одеждъ и вооруженій, изображенныхъ въ иллюстраціяхъ лѣтописи, мы должны прежде всего сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно этого богатаго матеріала.

Изображенія одеждъ въ болѣе древнихъ рисункахъ, сдѣланныхъ коричневымъ контуромъ, сравнительно съ изображеніями, сдѣланными чернымъ контуромъ, отличаются гораздо большей близостью къ русской жизни или къ традиціоннымъ изображеніямъ русскихъ лицевыхъ рукописей. При всемъ томъ и въ этихъ болѣе древнихъ иллюстраціяхъ лѣтописи чувствуется вліяніе западной жизни, преимущественно нѣмецкой, которое можно объяснить тѣмъ, что рисовальщикъ почему-то копировалъ иногда одежду, вооруженіе и самые типы съ какихъ-то западныхъ оригиналовъ. Тѣмъ не менѣе только въ этихъ болѣе древнихъ иллюстраціяхъ на ряду съ заимствованнымъ иноземнымъ матеріаломъ встрѣчаются русскіе кафтаны, украшенные петли-

цами, встрѣчаются русскія княжескія шапки, встрѣчаются сапоги, сначала обрубистой формы, которые однако замѣняются затѣмъ остроносыми полусапожками, и послѣдніе наконецъ получаютъ еще болѣе характерный западный покрой.

Въ рисункахъ чернаго контура мы не встрѣчаемъ уже пониманія русскаго костюма; новый иллюстраторъ весьма старательно стремится искажать русскій костюмъ, и въ особенности русскія княжескія шапки, увеличивая ихъ размѣры, и тѣмъ придавая имъ характеръ нѣмецкихъ шапокъ.

Въ области костюма особенно важное значеніе представляютъ намъ изображенія головныхъ уборовъ или шапокъ, потому что въ нихъ встрѣчается особенное разнообразіе, выражающее несомнѣнное стремленіе иллюстратора оттѣнить головнымъ уборомъ особое значеніе изображенныхъ лицъ и даже ихъ національность.

И въ этихъ головныхъ уборахъ, чрезвычайно разнообразныхъ, можно легко замѣтить въ древнихъ иллюстраціяхъ коричневымъ контуромъ среди изображенныхъ русскихъ шапокъ введеніе характерныхъ западныхъ головныхъ уборовъ.

Такъ напр. сдѣланное старымъ контуромъ на л. 97 об. изображеніе князя Всеслава Полоцкаго отличается весьма характернымъ нѣмецкимъ головнымъ уборомъ, относящимся къ XV вѣку.

Подобный головной уборъ встрѣчается въ изображеніи Кіевскаго князя Изяслава, на л. 101. Эти заимствованные головные уборы дополняются въ данномъ случаѣ длинными волосами, бородою безъ усовъ и самой одеждой нѣмецкаго покроя.

Особенно оригинальна, чисто нѣмецкаго образца, уже упомянутая нами шапка князя Ростислава Тмутараканскаго, которая находитъ себѣ полную аналогію въ шапкахъ, изображенныхъ не разъ въ иллюстраціяхъ Нюренбергской хроники 1493 г.

Весьма также оригинальна нѣмецкая шляпа, въ которой изображенъ князь Изяславъ на л. 107.

На л. 83 предъ Ярославомъ Мудрымъ стоящій бояринъ изо-

браженъ въ той нѣмецкой шапкѣ мягкой и отвислой всторону, которая образовалась изъ капюшона; новый рисовальщикъ чернымъ контуромъ только увеличилъ ея размѣры. Подобная шапка изображена въ Нюренбергской хроникѣ (см. цинк. I. 5).

Ограничиваясь этими примѣрами, мы должны замѣтить, что въ рисункахъ стараго контура шапки русскихъ князей въ большинствѣ случаевъ оказываются русскими шапками «клобуками», обыкновенно съ мѣховой опушкой, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ рисовальщикъ изображаетъ княжескія остроконечныя шапки, подобныя тѣмъ, какія изображены на такъ называемыхъ «рязанскихъ бармахъ». Въ шапкѣ перваго рода изображенъ напр. на л. 5 русскій мѣстный князь или старшина, принимающій дань отъ сосѣднихъ инородцовъ. На л. 19 об. князь Олегъ изображенъ въ остроконечной шапкѣ.

Св. Владиміръ изображается въ одномъ мѣстѣ въ шапкѣ цилиндрической формы, а въ другомъ—въ шапкѣ съ округлымъ верхомъ.

Національный характеръ русскаго женскаго головного убора особенно ясно переданъ въ изображеніяхъ княгини Св.Ольги:онъ состоитъ изъ убруса, поверхъ котораго надѣтъ вѣнчикъ въ формѣ гладкаго обруча или діадимы. Въ такомъ же убрусѣ изображена и Рогнѣда, но болѣе поздній рисовальщикъ чернымъ контуромъ изобразилъ на головѣ ея царскій вѣнецъ, какой часто встрѣчается въ древнихъ нѣмецкихъ изображеніяхъ, имѣя вѣроятно въ виду придать болѣе пышности тому изображенному моменту, когда Рогнѣда ожидаетъ казни отъ Владиміра.

Византійскіе императоры, или цари отличены отъ русскихъ князей высокими зубчатыми вѣнцами какъ напр. царь Константинъ Багрянородный (31 об.), но они иногда изображаются въ шапкахъ, имѣющихъ полушарообразную вздутую форму, и потому напоминающихъ митру, какъ напр. на л. 13 въ изображеніи царя Михаила. Въ зубчатомъ, высокомъ вѣнцѣ изображенъ также и персидскій царь (л. 5 об.).

Изображенія грековъ, приносящихъ дары Олегу, отличаются также своеобразными шапками (л. 15 об.), изъ которыхъ одна своей чрезмѣрной вздутой формой напоминаетъ даже персидскій головной уборъ временъ Сассанидовъ; подобный головной уборъ, хотя и надъ короной, встрѣчается въ изображеніи на печати одной изъ номинальныхъ латинскихъ императрицъ въ изданіи Schlumberger'а, въ изображеніи скачущаго всадника. Печать относится къ XIV в. Въ одеждѣ этихъ грековъ чувствуется условность, которая сказывается въ верхней короткой туникѣ съ узкими рукавами; подобныя же одежды и подобныя шапки встрѣчаются и въ изображеніи грековъ на л. 32, а также и и на об. и еще на л. 33. На л. 38 греки, приносящіе дары Святославу, изображены въ шапкахъ болѣе близкихъ по формамъ къ нѣмецкимъ шапкамъ, при чемъ кубокъ, поднесенный въ подарокъ Святославу (л. 39), напоминаетъ своей формой нѣмецкія кубки, въ особенности Нюренбергской работы XV и XVI в.

Въ высокомъ зубчатомъ вѣнцѣ, изображена Анна, родственница греческихъ императоровъ, — невѣста Св. Владиміра (л. 61 об.). Здѣсь нужно замѣтить, что форма этого рода вѣнцовъ иногда разнообразится, не отступая однако отъ основныхъ византійскихъ традицій (см. изображеніе тутъ же царей Василія и Константина).

Въ изображеніяхъ шапокъ чернымъ контуромъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить постоянно усердное стремленіе рисовальщика изказить форму старинныхъ русскихъ шапокъ первоначальныхъ, коричневыхъ рисунковъ лѣтописи посредствомъ увеличенія и округленія ихъ размѣровъ и уничтоженія мѣховыхъ опушекъ; благодаря такимъ пріемамъ русская шапка превращалась въ характерную нѣмецкую, форму которой между прочимъ можно встрѣтить въ Нюренбергской хроникѣ, напр. въ изображеніи Альбрехта III Бамбергскаго подъ 1414 г. (см. цинк. I. з).

На л. 116 рисунокъ изображаетъ бесѣду Кіевскаго князя Изяслава со Всеволодомъ; на главѣ Изяслава старымъ коричне-

вымъ контуромъ былъ сдѣланъ развалистой формы зубчатый вѣнецъ, при чемъ зубцы заканчивались вверху крупными шариками или жемчужинами; новымъ чернымъ контуромъ вмѣсто этого вѣнца изображена полушарообразной формы нѣмецкая шапка; такой формы шапками, сдѣланными чернымъ контуромъ, изобилуютъ подновленные рисунки лѣтописи.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ головные уборы, которыми иллюстраторы старались отмѣтить инородческіе элементы отъ русскихъ.

Здѣсь на первомъ планѣ нужно обратить вниманіе на тѣ восточныя народности, которыя оставили свои слѣды въ Русской исторіи.

Мы уже указывали выше на изображенія печенѣговъ, которые представлены въ высокихъ колпакахъ и длинныхъ кафтанахъ (л. 72 об.). Изображенія хозаръ и косоговъ на л. 84, не представляя различія въ одеждѣ и вооруженіи съ другими народностями, отмѣчены особаго рода головными уборами, состоящими изъ мягкихъ колпаковъ съ околышами другого цвѣта; колпаки заломаны на сторону, и у одного изъ изображенныхъ воиновъ, какъ кажется косога, колпакъ имѣетъ спереди продольный разрѣзъ, край котораго обозначенъ тремя закругленными городками; безусое лицо этого косога отличается также отъ другихъ изображеній лѣтописи весьма рѣдкой бородой въ формѣ лопатки. Торки и берендѣи на л. 158, представляющіе группу конныхъ воиновъ, выдѣляются очень высокими остроконечными колпаками, загнутыми сильно назадъ; у воина, изображеннаго на первомъ планѣ, голова бритая и непокрытая колпакомъ. Наконецъ половцы, изображенія которыхъ встрѣчаются часто въ лѣтописи, наиболѣе характерно изображены на л. 127 об.; здѣсь одинъ изъ половцевъ изображенъ въ небольшомъ остроконечномъ колпакѣ, съ загнутымъ вверхъ краемъ, подобный же колпакъ надѣтъ на другомъ половцѣ, третій половецкій воинъ, замахнувшійся саблей, изображенъ въ колпакѣ съ опущеннымъ внизъ краемъ и съ поперечнымъ перехватомъ посре-

динѣ; лица упомянутыхъ половцевъ изображены безъ усовъ и бородъ, что придаетъ имъ особенный характеръ[1]).

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе упомянутыя изображенія головныхъ уборовъ, можно замѣтить, что восточные степные народы, вторгавшіеся въ русскія земли или селившіеся тамъ, отмѣчены иллюстраторомъ вообще колпаками конической формы, и этотъ головной уборъ нельзя не считать характернымъ для народностей востока. Подобные головные уборы мы встрѣчаемъ на стѣнописи Кіево-Софійскаго собора, и они отнесены Н. П. Кондаковымъ къ типу восточныхъ головныхъ уборовъ. Подобной формы колпакъ изображенъ на фрагментѣ поливной чаши, найденной нами въ Сухумѣ (см. Матеріалы по археологіи Кавказа вып. II). Подобный же головной уборъ, изображенный въ изданіи В. Стасова «Славянскій и Восточный Орнаментъ», относится къ искусству Арменіи.

Указанныя нами аналогіи позволяютъ думать, что изображенія этихъ головныхъ уборовъ въ иллюстраціяхъ нашей лѣтописи сохраняютъ нѣкоторыя реальныя черты, какъ традиціи, свойственныя этимъ народностямъ по крайней мѣрѣ въ ихъ головныхъ уборахъ.

Весьма интересно сопоставить изображенія колпаковъ въ рисункахъ нашей лѣтописи съ колпакомъ янычара на рисункѣ Дж. Беллини, находящемся въ Британскомъ Музеѣ и изданномъ Мюнцомъ въ его Исторіи Искусства въ эпоху Возрожденія т. I, стр. 302.

Изъ другихъ народностей нельзя не отмѣтить изображеній угровъ на л. 12 и на об., хотя рисунки эти сильно искажены новымъ чернымъ контуромъ, но искаженія эти относятся глав-

1) Въ нѣкоторыхъ миніатюрахъ лѣтописи изображены кибитки или повозки половцевъ, занятыя ихъ женами, какъ напр. на л. 232 (об.). По нашему мнѣнію эти изображенія отличаются реальнымъ характеромъ и не могли быть изобрѣтены иллюстраторомъ. Свѣдѣнія хотя бы о татарскихъ кибиткахъ могли распространиться на Руси устными разсказами путешественниковъ, кромѣ ихъ описаній. Вспомнимъ напр. путешествіе *Пимена*.

нымъ образомъ къ размѣрамъ фигуръ и къ перемѣщеніямъ плановъ. Въ обоихъ контурахъ очень ясно сохранились формы шапокъ и шлемовъ. На первой картинкѣ группа пѣшихъ угровъ изображена въ невысокихъ коническихъ бѣлыхъ шапкахъ съ цвѣтными околышами и съ шишечками наверху. Кромѣ одной фигуры пѣшаго угра всѣ остальныя изображены безъ усовъ и бородъ, шлемы болѣе приземистой формы заканчиваются также шишечками. Вежи ихъ отличаются полушарообразнымъ верхомъ, и въ этомъ отношеніи напоминаютъ калмыцкія кибитки, только болѣе высокихъ размѣровъ. Группа конныхъ угровъ вооружена между прочимъ саблями чисто восточнаго типа, а не мечами.

Группа этихъ воиновъ прежде была изображена въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, что̀ особенно замѣтно на сохранившемся еще контурѣ предводителя: его шлемъ восточнаго типа былъ украшенъ двумя параллельными поперечными полосками, шлемъ новаго контура, отличаясь меньшимъ размѣромъ, своей вытянутой вершиной подходитъ болѣе къ типу шишака, а вытянутый впередъ вѣнецъ шлема, или край напоминаетъ выступы впередъ у восточныхъ шлемовъ. Въ общемъ-же, по нашему мнѣнію, искаженные новымъ контуромъ рисунки головныхъ уборовъ и вообще вооруженія, исключая сабель, не носятъ на себѣ особыхъ признаковъ реализма.

Не много реализма мы встрѣчаемъ въ изображеніи варяговъ (л. 79 об.), которыхъ избиваютъ новгородцы при Ярославѣ Мудромъ: ихъ шапки заостренныя и съ выступающимъ широкимъ отворотомъ вокругъ. Реальнымъ характеромъ по нашему мнѣнію выдѣляются изображенія финской народности «чуди»; въ этихъ изображеніяхъ не только головные уборы, но и вся одежда, вмѣстѣ съ самыми фигурами, представляютъ своеобразныя черты, несомнѣнно схваченныя древнимъ иллюстраторомъ съ натуры, такъ на л. 164, рисунокъ изображаетъ, какъ чудь приноситъ дань одному изъ сыновей Мстислава; три фигуры, изображающія эту народность, отличаются небольшимъ ростомъ и кажутся вообще приземистыми, ихъ головные

уборы со всѣхъ сторонъ окутываютъ голову и шею, напоминая собою нѣчто въ родѣ капора. Одежда, судя по ширинѣ, вѣроятно изготовлена изъ мѣха или подбита мѣхомъ, т. е. представляетъ родъ тулупа; на этотъ подбой мѣхомъ указываетъ ширина рукавовъ и самыя складки ихъ; фигуры одѣты въ узкіе штаны, и обуты въ сапоги, обозначенные поперечными линіями ниже колѣнъ; передняя изъ изображенныхъ фигуръ въ лѣвой рукѣ подноситъ князю связку соболей, т. е. сорокъ шкурокъ, а за ними слѣдуетъ баранъ, представляющій собою также видъ дани. На л. 104 об. изображена сцена шаманства предъ новгородцемъ; шаманъ, одѣтый въ длинное платье безъ пояса, сохраняетъ однако на головѣ уборъ, подобный тому, какой мы видѣли въ предшествовавшей картинѣ, но только украшенный поперечными двойными полосами, которыя придаютъ этому убору еще болѣе характерности; два другіе шамана одѣты въ такіе же костюмы, а первый, который шаманитъ, изображенъ съ бубномъ въ лѣвой рукѣ и съ загнутой короткой палкой съ шишкой на концѣ; этой палкой онъ ударяетъ въ бубенъ. Не смотря на испорченность стараго контура новымъ чернымъ, вся сцена эта сохраняетъ весьма жизненный характеръ, представленіе котораго возможно только при близкомъ знакомствѣ перваго иллюстратора съ типомъ и бытомъ изображенной чуди, и это знакомство, на нашъ взглядъ, подтверждается также устойчивостью головныхъ уборовъ, изображенныхъ въ двухъ сценахъ, различныхъ по сюжетамъ, и раздѣленныхъ большимъ количествомъ страницъ.

Изъ славянскихъ племенъ, входящихъ въ составъ русскихъ княжествъ, иллюстраторомъ выдѣлены новгородцы, почему ихъ изображенія и представляютъ особенный бытовой интересъ, тѣмъ болѣе важный, что въ этихъ изображеніяхъ сохранились довольно ясно старинные коричневые контуры. На л. 171 и на об. въ трехъ рисункахъ изображены переговоры епископа новгородскаго и новгородскихъ пословъ съ княземъ Всеволодомъ. Въ изображенныхъ сценахъ нельзя прежде всего

не отмѣтить того факта, что новгородцы, просящіе себѣ князя у Всеволода, изображены сидящими на особомъ сѣдалищѣ противъ самого князя, въ чемъ, какъ намъ кажется, выражается особый почетъ новгородцамъ, хотя князь и продержалъ ихъ у себя зиму и лѣто. Здѣсь новгородцы изображены въ колпакахъ особой формы, а именно: колпаки ихъ прилегаютъ плотно къ головѣ, а заостренные концы подпимаются прямо кверху; по краю колпаки украшены околышемъ, вообще формой своей они напоминаютъ шлемы-шишаки, и этой формой они ясно выдѣляются отъ другихъ колпаковъ, составляющихъ вышеупомянутый отличительный признакъ восточныхъ народностей. Замѣтимъ также, что изображенныя сцены отличаются жизненнымъ характеромъ, и при томъ русскимъ — въ особенности характерна фигура новгородскаго епископа, изображенная на об. 171 л. Наконецъ на л. 212 рисунокъ изображаетъ князя Романа Ростиславича, сидящимъ на столѣ Кіевскомъ, куда прислалъ его княжить Андрей—«и пріяша его съ честію Кіяне», — говоритъ лѣтописецъ; князь въ одной рукѣ держитъ копье, а въ другой деревянный щитъ, характерный для XV вѣка на западѣ. Съ одной стороны князя, стоящія безъ шапокъ, три мужскихъ фигуры, изображаютъ, по всему вѣроятію кіевскій народъ, съ другой стороны, двѣ фигуры, одѣтыя въ длинное платье съ кривыми саблями и въ высокихъ, усѣченныхъ вверху колпакахъ, представляютъ быть можетъ дружину князя, которой приданъ почему-то восточный характеръ.

По отношенію къ одеждамъ, изображеннымъ въ нашей лѣтописи, вслѣдствіе испорченности и небрежности рисунковъ новаго контура, возможно ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями, не вдаваясь въ особенныя подробности.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что характерныя черты русской одежды встрѣчаются преимущественно въ рисункахъ старыхъ коричневыхъ контуровъ, и въ тѣхъ болѣе новыхъ черныхъ рисункахъ, которые измѣняютъ размѣры и чистоту линій старыхъ контуровъ. Такъ во многихъ рисункахъ старыхъ кон-

туровъ можно отмѣтить фигуры князей, напоминающія одеждами изображенія князей въ житіи св. Бориса и Глѣба (какъ напр. на лл. 58, 34 об.).

Въ то же время уже въ древнихъ контурахъ мы встрѣчаемъ изображенія цѣликомъ заимствованныя съ иноземныхъ оригиналовъ, и внесенныя механически, какъ бы случайно, въ композицію изображенныхъ сценъ. Эти изображенія обыкновенно представляютъ князей въ нѣмецкихъ костюмахъ XV вѣка. Такъ напр. на лл. 97 об., 101 и др. изображенія князей покроемъ платья и въ особенности головными уборами указываютъ на иноземные нѣмецкіе оригиналы, относящіеся къ XV вѣку.

Многія изъ этихъ одеждъ и головныхъ уборовъ находятъ себѣ аналогію въ иллюстраціяхъ Нюренбергской хроники, относящейся къ концу XV вѣка; для примѣра укажемъ на рисунки: на л. 8 изоб. Рюрика, л. 23 и 169 об.

Длинные или короткіе кафтаны обыкновенно оторочены цвѣтными каймами или опушены мѣхомъ. Въ кафтанахъ нѣмецкаго покроя встрѣчаются широкіе рукава и широкіе отложные воротники. Одежда русскаго покроя встрѣчается въ лѣтописи сравнительно рѣже, такъ напр. на л. 196 (об.), 200. Здѣсь кафтаны съ прорѣзными длинными рукавами надѣты на нижнее подпоясанное платье и стягиваются парными петлицами; длинный, сравнительно узкій покрой ихъ позволяетъ отнести эти кафтаны къ русскимъ одеждамъ.

Въ древнемъ русскомъ одѣяніи изображенъ князь Святополкъ Окаянный, хотя это одѣяніе древняго контура искажено новымъ контуромъ, какъ мы уже упоминали. Въ большинствѣ случаевъ византійскіе императоры и иноземные короли изображаются въ византійской формы вѣнцахъ или коронахъ, въ которыхъ иногда можно замѣтить и западную редакцію, что̀ объясняется заимствованіемъ этихъ инсигній царственной или королевской власти изъ Византіи на Западъ. Въ противоположность этимъ лицамъ русскіе князья изображаются лишь въ шапкахъ русскаго или нѣмецкаго фасона, такъ напр. на л. 193 (об.).

Здѣсь король венгерскій изображенъ въ коронѣ и съ мечемъ въ рукѣ, а князь Владимірко въ высокой закругленной шапкѣ и съ жезломъ той формы, которая такъ часто встрѣчается въ Нюренбергской хроникѣ. Кафтанъ князя прежде былъ украшенъ рядомъ петлицъ, а новый рисовальщикъ прикрылъ эти петлицы красной краской.

Въ лѣтописи нерѣдко встрѣчаются короткіе кафтаны у князей, съ разрѣзами на полахъ и на рукавахъ, и съ мѣховой опушкой по краямъ. Эти кафтаны типичны для нѣмецкихъ модъ XV вѣка, для примѣра укажемъ на кафтанъ, въ которомъ изображенъ князь Ростиславъ Тмутараканскій, бесѣдующій съ Котопаномъ (л. 96 об.); объ этомъ изображеніи мы уже говорили выше. Для сравненія укажемъ и здѣсь на рисунки Нюренбергской хроники.

Хотя на стр. 199 об. русскій князь и представленъ въ кафтанѣ съ петлицами, но покрой этого кафтана и широкіе рукава заставляютъ насъ отнести этотъ кафтанъ къ нѣмецкимъ одеждамъ. Также нѣмецкимъ характеромъ отличается и одежда вблизи стоящей фигуры.

Рисунки второй половины лѣтописи особенно изобилуютъ, вмѣстѣ съ господствомъ чернаго контура, сильнымъ вторженіемъ иноземныхъ вліяній въ одеждахъ изображенныхъ сценъ; представимъ этому слѣдующіе примѣры, взятые впрочемъ на выдержку: На стр. 199 об. въ верхнемъ рисункѣ изображенія князей по шапкамъ и по широкимъ, длиннымъ съ широкими же рукавами кафтанамъ напоминаютъ напр. изображеніе въ Нюренбергской хроникѣ Людвига I (стр. 169). На рисункѣ внизу той же страницы, изображающемъ новгородцевъ, берущихъ себѣ въ князья молодого Мстислава, послѣдній представленъ въ короткомъ плащѣ и въ трико, что̀ въ общемъ производитъ впечатлѣніе нѣмецкаго благороднаго юноши XV ст.

На л. 203 об. Суздальскій князь изображенъ сидящимъ на престолѣ въ одеждѣ, обличающей вообще нѣмецкую моду. Такимъ же характеромъ одежды отличается и стоящій возлѣ

герольдъ. Укажемъ еще на л. 206 об., гдѣ, какъ кажется, князь Мстиславъ изображенъ въ нѣмецко-короткомъ платьѣ, опушенномъ мѣхомъ. Отмѣтимъ также и л. 217, гдѣ фигура молодого князя отличается совершенно нѣмецкимъ костюмомъ. На л. 220 князь Михалко по нашему мнѣнію одѣтъ также въ нѣмецкій костюмъ, при томъ съ длинными заостренными башмаками.

Но что въ одеждахъ особенно говоритъ объ иноземномъ вліяніи, такъ это замѣна сапогъ и штановъ, — необходимыхъ принадлежностей костюма въ русскихъ лицевыхъ рукописяхъ,— башмаками, полусапожками и штанами въ обтяжку, т. е. изъ трико. Фигуры въ трико во многихъ случаяхъ изображаются даже безъ обуви, какъ часто трико безъ обуви носили на западѣ, подшивая лишь кожаныя подошвы; штаны же и сапоги съ оторочкой или подвязкой встрѣчаются въ рисункахъ нашей лѣтописи сравнительно рѣдко, и то лишь въ древнихъ рисункахъ, сдѣланныхъ коричневымъ контуромъ.

Въ большинствѣ же случаевъ мы постоянно встрѣчаемся въ лѣтописи съ упомянутой иностранной одеждой, въ которой изображаются не только князья и знатные люди, но и простые рабочіе, какъ напр. на рисункѣ, изображающемъ погребеніе половецкаго князя. На л. 207 об. и трубящіе герольды изображены въ нѣмецкихъ платьяхъ, а одинъ изъ нихъ даже въ двуцвѣтномъ.

Что же касается женскихъ одеждъ, то съ русскими древними одеждами мы встрѣчаемся въ изображеніяхъ великой княгини Ольги и Рогнѣды. Еще покойный Срезневскій по отношенію къ изображеніямъ Св. Ольги, которыхъ онъ нашелъ до 19 въ рисункахъ нашей лѣтописи (въ своей статьѣ: «Древнія изображенія В. К. Владиміра и В. К. Ольги, напечатанной въ Древностяхъ» за 1867 г.), считалъ эти изображенія весьма характерными для русскихъ древнихъ одеждъ [1]).

---

1) Мы только не можемъ согласиться съ мнѣніемъ покойнаго почтеннаго академика относительно головного убора кн. Ольги: И. И. Срезневскій въ

Во второй половинѣ лѣтописи съ замѣчательнымъ постоянствомъ и весьма характерно изображенныя женщины одѣты въ нѣмецкіе костюмы XV вѣка. Ограничимся лишь нѣкоторыми примѣрами. Подобныя изображенія отмѣтимъ на лл. 215, 220, 226. Для уясненія ихъ костюма сопоставимъ эти изображенія съ изображеніями Нюренбергской хроники и другихъ источниковъ (см. цинк. I. 7).

Ограничиваясь этими замѣчаніями объ одеждахъ, мы должны теперь сдѣлать краткій обзоръ боевой или военной одежды и самыхъ предметовъ вооруженія, изображенныхъ въ рисункахъ нашей лѣтописи.

Прежде всего мы должны отмѣтить тѣ архаизмы, которые въ отношеніи этого рода одеждъ встрѣчаются въ древнихъ рисункахъ коричневаго контура. Такъ на л. 15 об. въ рисункѣ, сохранившемъ старый контуръ, изображены двѣ фигуры грековъ, подносящихъ дары Олегу; позади стоящій воинъ изображенъ въ латахъ, надѣтыхъ сверхъ длиннаго платья; въ правой рукѣ онъ держитъ копье, а въ лѣвой—коническій щитъ; шлемъ у воина неправильной конической формы, напоминающей потому форму древнихъ западныхъ шлемовъ, но шлемъ этотъ подправленъ, и эта подправка придала ему болѣе обычную и болѣе правильную форму; кираса воина, покрывающая грудь, раздѣляется поперечными полосами на части; нижняя часть кирасы, ниже пояса, раздѣляется поперечными и продольными полосами также на части, представляющія въ данномъ случаѣ искаженіе рисовальщикомъ римскихъ или византійскихъ ремней, обыкновенно служившихъ защитой для этой части тѣла. Византійскія традиціи мы находимъ и въ изображеніи щита, и въ са-

---

упомянутой статьѣ утверждаетъ, что сверхъ убруса голова Ольги покрыта шапочкой; мы однако замѣчаемъ только убрусъ, поверхъ котораго надѣтъ золотой вѣнчикъ, напоминающій своей формой *діадиму*. Такая форма сохранилась, между прочимъ, въ старинныхъ деревянныхъ брачныхъ вѣнцахъ, принадлежащихъ къ коллекціямъ Историческаго музея. Основываемъ свое мнѣніе на старыхъ коричневыхъ контурахъ лучшей сохранности.

мой манерѣ придерживать его рукой. Что же касается упомянутыхъ нами поперечныхъ линій на кирасѣ, то средняя изъ нихъ, болѣе широкая, представляется намъ плохой передачей той византійской повязки, которая на изображеніи византійскихъ воиновъ часто опоясываетъ грудь поверхъ панцыря; эта повязка еще яснѣе встрѣчается на л. 5 и 10 об. на изображенныхъ тамъ фигурахъ пѣшаго и коннаго воина.

Но самое оригинальное въ изображеніи упомянутаго воина (л. 15 об.)—это его длинное съ оторочкой платье, на которое и надѣта кираса; такого рода платье несомнѣнно можетъ быть отнесено къ XII и къ XIII ст.—т. е. ко времени окончанія крестовыхъ походовъ, когда такое длинное платье, заимствованное съ востока, получило на нѣкоторое время право гражданства и среди западныхъ воиновъ, въ особенности среди норманов во Франціи. Укажемъ напр. на извѣстное изображеніе Готфрида Плантагенета, сдѣланное эмалью. Замѣчательно, что шлемъ этого Плантагенета также имѣетъ выемку съ одного бока, такъ что не представляетъ правильнаго конуса, и этимъ напоминаетъ первоначальный шлемъ нашего воина въ длинномъ платьѣ; подобные же воины въ длинномъ платьѣ изображены и на л. 34 нашей лѣтописи, но вообще такого рода длинная одежда воиновъ встрѣчается въ рисункахъ нашей лѣтописи довольно рѣдко, и едва-ли не исчерпывается приведенными нами примѣрами.

Замѣтимъ опять, что эти архаическія изображенія относятся лишь къ старому контуру, и при томъ, какъ кажется, къ контуру перваго пошиба, и намъ кажется несомнѣннымъ, что эти типы занесены сюда съ западныхъ оригиналовъ, которые въ указанную нами эпоху могли появляться на Руси на разнаго рода металлическихъ издѣліяхъ [1]).

Во всякомъ случаѣ это вторженіе архаическихъ изображе-

1) Знакомство на Руси въ древнее время съ западными металлическими издѣліями подтверждается находками церковной утвари въ Вщижѣ, финифтянными бронзовыми бляхами Суздальскаго собора, т. н. Корсунскими вратами въ Новгородѣ и т. п. памятниками.

ній въ древніе коричневые рисунки нашей лѣтописи можно отнести лишь къ эпизодическимъ явленіямъ, не могущимъ измѣнить основного характера иноземныхъ вліяній.

Болѣе чистую передачу древняго византійскаго военнаго костюма мы встрѣчаемъ на л. 5, изображающемъ сцену, озаглавленную такъ: «Разные языки дань даютъ Руси»: позади сидящаго князя, принимающаго дань, стоитъ воинъ, съ обнаженной головой, держащій въ лѣвой рукѣ щитъ; воинъ одѣтъ въ кирасу, украшенную поперечной полосой, отъ которой идетъ вверхъ вертикальная полоса, прилегающая къ оплечью; на плечахъ кираса заканчивается завитками, дѣлающими расширеніе и закругленіе верхней части туловища. Хотя въ другихъ рисункахъ лѣтописи въ кирасахъ воиновъ эти завитки исчезаютъ, но образованный ими контуръ туловища дѣлается какъ бы обязательнымъ и схематическимъ, такъ что рисовальщикъ отдѣльно отъ рукъ вырисовываетъ этотъ шаблонный контуръ туловища, а руки прибавляются уже послѣ. Такая система рисовки выясняется лучше всего въ тѣхъ случаяхъ, когда художникъ забываетъ пририсовать одну изъ рукъ (л. 79 об.) [1]). У упомянутаго воина (л. 5) верхняя часть рукъ ясно защищена разрѣзными пластинками или ремнями; такая же обычная защита находится и у нижняго края кирасы, такъ что въ общемъ эта кираса представляетъ характерныя черты еще римскаго вооруженія, но уже измѣненнаго византійцами на свой ладъ. Ноги воина изображены въ штанахъ и сапогахъ, щитъ подходитъ по типу къ тѣмъ щитамъ, которые изображены въ житіи Св. Бориса и Глѣба. Такимъ образомъ мы считаемъ изображеніе упомянутаго воина, какъ бы прототипомъ вообще изображеній воиновъ въ нашей лѣтописи, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ въ изображеніяхъ является явственно западное вліяніе; внѣ этихъ вліяній особенно преобладаетъ упрощенный типъ упомянутой кирасы, сохраняющій

1) Такія туловища, сдѣланныя коричневымъ контуромъ, кажутся какъ бы заготовленными для пририсовки рукъ чернымъ контуромъ. Примѣры, насколько можно замѣтить, встрѣчаются лишь во второй половинѣ лѣтописи.

впрочемъ срединную поперечную полосу, при чемъ ремни часто превращаются въ раздѣленные горизонтальными линіями квадраты, штаны измѣняются въ трико съ короткими сапогами, а иногда они изображаются и безъ сапогъ, т. е. съ подшитыми къ трико подошвами. Такого рода изображенія представляютъ господствующій типъ военной одежды въ рисункахъ нашей лѣтописи; эти изображенія относятся къ древнимъ рисункамъ коричневаго контура.

Рисунки воиновъ болѣе новымъ чернымъ контуромъ, искажая лишь размѣры старыхъ рисунковъ, оставляютъ господствующимъ указанный нами шаблонный типъ воина съ коническимъ шлемомъ и съ бармицей,—за исключеніемъ тѣхъ характерныхъ случаевъ, когда въ рисункахъ лѣтописи замѣчается вторженіе иноземныхъ нѣмецкихъ вооруженій и одеждъ, а такое вторженіе, болѣе обильное и разнообразное, замѣчается именно въ болѣе новыхъ рисункахъ чернымъ контуромъ, и при томъ въ особенности во второй половинѣ нашей лѣтописи, гдѣ эти вторженія имѣютъ характеръ непосредственной реальной передачи хорошо знакомыхъ рисовальщику фактовъ.

Въ древнихъ коричневыхъ рисункахъ иноземное вооруженіе является вводнымъ,—какъ бы случайнымъ, и уже заимствованнымъ изъ вторыхъ рукъ. Укажемъ прежде всего нѣсколько примѣровъ въ рисункахъ древняго коричневаго контура, въ которыхъ представляется весьма яснымъ и характернымъ иноземное вліяніе: На л. 9 изображенъ походъ Аскольда и Дира черезъ Кіевъ къ Царюграду; сидящій въ лодкѣ посреди воиновъ, по всему вѣроятію, одинъ изъ братьевъ изображенъ въ западныхъ доспѣхахъ чисто нѣмецкаго типа XV вѣка; нижняя часть лица прикрыта тѣмъ металлическимъ выступомъ, который обыкновенно называется бавіеръ («baviere», см. цинк. I. 4. 6); кромѣ того шея съ правой стороны защищается, тѣмъ маленькимъ щиткомъ, который встрѣчается часто въ нѣмецкихъ доспѣхахъ XV вѣка. Сидящій впереди воинъ держитъ стягъ формы чисто нѣмецкой (ср. цинк. III. 19. 20), и который въ подобной формѣ

среди изображеній русскихъ стяговъ не встрѣчается. На л. 10 съ одной стороны рисунка изображается торопливый пріѣздъ царя Михаила съ войскомъ въ Царьградъ, который обступили лодки Аскольда и Дира; у одного изъ воиновъ царя съ безволосой головы падаетъ шлемъ русской формы, даже съ яловцомъ, но остальное вооруженіе совершенно подобно тому, на которое мы только что указали (л. 9); изображеніе этого воина (л. 10) судя по очеркамъ лица, несомнѣнно древнее, не искаженное чернымъ контуромъ, а отсутствіе волосъ у грека-воина объясняется по нашему мнѣнію незаконченностью или торопливостью работы; что же касается изображенія падающаго шлема, то въ этомъ мы видимъ лишь намѣреніе художника подчеркнуть особенную спѣшность возвращенія царя. На башнѣ, символизирующей Царьградъ, изображенъ воинъ, шлемъ котораго украшенъ яловцемъ точно такой же формы, какъ вышеупомянутый стягъ Аскольда и Дира.

Въ упомянутой нами выше сценѣ, изображающей Котопана въ гостяхъ у Мстислава Тмутараканскаго (л. 96 об.), стоящій позади воинъ изображенъ въ неполномъ нѣмецкомъ вооруженіи, которое относится также къ XV вѣку.

На л. 132 изображены двѣ сцены на одномъ рисункѣ: слѣва Мстиславъ сидитъ на престолѣ Новгородскомъ, а сбоку князя изображенъ стоящій съ копьемъ въ рукѣ воинъ — придворный стражъ; западный доспѣхъ этого воина на плечахъ, на локтяхъ и на колѣнахъ обозначается тѣми остроконечными очертаніями, которыя такъ свойственны доспѣхамъ XV вѣка (ср. цинк. II. 10). Къ этому же времени слѣдуетъ отнести и шлемъ формы «Salade», чаще всего соединяемый съ бавьеромъ, хотя послѣдній на воинѣ и не изображенъ. Нельзя не отмѣтить здѣсь того завитка, который служитъ украшеніемъ одной стороны трона князя; въ этомъ украшеніи, какъ и въ самой формѣ трона, чувствуются непонятыя рисовальщикомъ иноземныя формы; попытка къ такого рода украшеніямъ встрѣчается не разъ въ рисункахъ нашей лѣтописи.

Сравнивая изучаемую нами сцену (л. 132 вверху) со второй сценой, рядомъ изображенной (всадники), нельзя не замѣтить по распланировкѣ фигуръ и по стилю изображенія — случайнаго, вводнаго характера первой сцены.

Кромѣ того, сравнивая съ этимъ изображеніемъ упомянутое нами изображеніе на л. 96 об., можно придти къ заключенію, что обѣ сцены принадлежатъ рукѣ одного рисовальщика, т. е. къ древнимъ рисункамъ второго пошиба.

Ограничиваясь пока указанными примѣрами можно замѣтить, что иноземное вліяніе въ «древнихъ» рисункахъ коричневаго контура выражается немногими архаическими изображеніями воиновъ въ длинныхъ одеждахъ (XII, XIII вѣкъ) и тѣми упомянутыми нами нѣмецкими вооруженіями, болѣе реальнаго характера, которыя находятъ себѣ прежде всего ясныя аналогіи въ рисункахъ Нюренбергской хроники (к. XV в.).

Мы уже говорили о томъ, что черный новый контуръ, измѣняя весьма смѣло размѣры болѣе древнихъ рисунковъ, въ большинствѣ случаевъ удерживаетъ ту схематическую форму воинскаго вооруженія, о которой мы уже упоминали, но тѣмъ не менѣе эти шаблонныя формы въ работахъ новаго рисовальщика получали иной характеръ, благодаря разнообразію и густотѣ новыхъ красокъ, связанныхъ неразрывно съ новымъ чернымъ контуромъ. Краски при старыхъ контурахъ прозрачны и немногочисленны, онѣ только иллюминуютъ контуръ, а при новомъ черномъ контурѣ число красокъ увеличивается по крайней мѣрѣ до девяти[1]), и краски получаютъ иногда даже характеръ гуаши. Самая раскраска является часто оригинальной, въ томъ смыслѣ, что искажаетъ смыслъ вооруженія; такъ напр. схематически изображенная броня съ поперечными дѣленіями, значеніе которыхъ мы уже объясняли, благодаря новой раскраскѣ,

---

1) Такъ мы замѣтили при черномъ контурѣ слѣдующія краски: 1) оливково-зеленая, 2) свѣтло-лиловая, 3) красная: киноварь, 4) желтая: охра,—иногда яркая и густая, 5) свѣтло-зеленая, 6) голубовато-сѣрая (съ бѣлилами), 7) травянистая, 8) сине-зеленая и 9) коричневая.

получаетъ характеръ одежды съ поперечными полосами. Такой фактъ можно объяснить или небрежностью иллюминатора чужихъ рисунковъ или его пристрастіемъ къ тѣмъ часто полосатымъ одеждамъ, которыя надѣвались поверхъ вооруженія у западныхъ рыцарей.

Упомянутое нами вооруженіе схематическаго характера, господствующее вообще въ рисункахъ лѣтописи, разнообразится въ рисункахъ чернаго контура введеніемъ доспѣховъ чисто западнаго типа, а также и самаго оружія, и такіе яркіе примѣры дѣлаются особенно частыми къ концу лѣтописи. Но особенно существенно для новаго контура введеніе арбалетовъ, а также арбалетныхъ стрѣлъ и наконецъ огнестрѣльнаго оружія.

Укажемъ при этомъ на слѣдующіе примѣры: На л. 166 об. чернымъ контуромъ на полѣ внѣ текста изображенъ сидящій на землѣ воинъ; его голова покрыта желѣзной шляпой (ср. цинк. II. 11. 12); все вооруженіе вообще подходитъ къ XV вѣку, чисто западнаго характера, и этотъ характеръ весьма ярко выступаетъ въ изображеніи башмака съ уродливо длиннымъ и заостреннымъ носкомъ; въ правой рукѣ (воинъ сидитъ спиной къ зрителю) изображенъ какъ намъ кажется, пистолетъ той длинной и прямой формы, какая была въ употребленіи въ XV вѣкѣ на западѣ. Фигурка эта, несвязанная съ текстомъ лѣтописи, представляетъ фантазію рисовальщика, его свободный росчеркъ. Но въ этомъ смыслѣ рисунокъ имѣетъ для насъ то важное значеніе, что обличаетъ въ данномъ случаѣ руку рисовальщика-иноземца.

Начиная съ л. 206 об. до 211 въ каждой изображенной боевой сценѣ мы встрѣчаемъ всегда одну фигуру воина, очевидно внесенную вновь рисовальщикомъ, потому что на л. 208 она совсѣмъ выходитъ на поле рукописи, и при томъ эти конныя фигуры воиновъ рѣзко выдѣляются своими крупными размѣрами отъ другихъ фигуръ того же рисунка; ихъ вводный характеръ выясняется еще и сравнительно спокойными позами лошадей несоотвѣтствующими позамъ другихъ, рядомъ изображенныхъ, скачущихъ коней. Вооруженіе этихъ воиновъ по-

ситъ схематическій характеръ западнаго рыцарскаго вооруженія, но безъ раздѣлки деталей, вслѣдствіе чего это вооруженіе является какъ бы компромиссомъ съ обычными изображеніями нашей лѣтописи. Шлемы этихъ воиновъ въ одномъ мѣстѣ напоминаютъ русскій шлемъ, а въ другихъ—желѣзныя шапки западнаго типа. Но что особенно характерно въ этихъ изображеніяхъ, то эти щиты, весьма разнообразные по формѣ, несомнѣнно чисто западнаго образца; они относятся къ типу щитовъ небольшого размѣра съ вырѣзными краями, квадратныхъ, многоугольныхъ, вообще западныхъ щитовъ XV вѣка (ср. цинк. III. 21—26)[1]). Здѣсь нельзя не замѣтить, что нѣкоторые изъ щитовъ особенно вычурные по вырѣзнымъ краямъ, могутъ быть отнесены особенно къ тѣмъ щитамъ, которые обыкновенно употреблялись на турнирахъ. Замѣчательно, что самыя позы изображенныхъ воиновъ и ихъ коней невольно заставляютъ вспоминать обычную позу воина предъ началомъ турнира, а не воина, участвующаго въ горячей кавалерійской схваткѣ. Высказывая это замѣчаніе мы однако не можемъ указать въ настоящее время оригинала для подобнаго рода изображенія.

Говоря о формѣ щитовъ мы должны упомянуть еще о щитахъ, изображенныхъ на л. 214 об.: здѣсь въ верхнемъ рисункѣ у воина, изображеннаго на полѣ внѣ текста щитъ относится несомнѣнно къ характернымъ деревяннымъ щитамъ XV вѣка. На л. 212 подобный щитъ въ особенности ясно изображенъ въ рукѣ сидящаго на престолѣ князя.

Вообще въ рисункахъ нашей лѣтописи изображенія щитовъ весьма разнообразны, мы встрѣчаемся здѣсь съ сердцевидной формы щитами небольшихъ размѣровъ, относящимися по типу къ такъ называемымъ «éси». Встрѣчаемъ также небольшого размѣра круглые щиты такъ называемые рондаши.

Интересно отмѣтить, что на упомянутой нами стр. 207 об. кромѣ отмѣченнаго нами западнаго рыцаря, на лѣвой сторонѣ

---

1) Щиты такого типа (pavoisé) находятся въ собраніи Эрмитажа и относятся къ богемскимъ щитамъ XV в.

рисунка, выходящей изъ границъ текста и не имѣющей стараго контура, изображеніе «полона» представляетъ толпу въ нѣмецкихъ шапкахъ и плачущую женщину въ нѣмецкомъ костюмѣ и съ корзиной въ рукѣ.

На этой же страницѣ вверху находится аллегорическое изображеніе мира съ половцами: посрединѣ изображена рѣка, въ данномъ случаѣ вообще символизирующая границу, а по сторонамъ рѣки два трубящихъ герольда, изъ которыхъ одинъ отличается двуцвѣтнымъ платьемъ; этотъ рисунокъ освѣщаетъ еще болѣе чужеземный характеръ упомянутаго нами нижняго изображенія.

На уже упомянутомъ нами рисункѣ л. 214 (об.), гдѣ отмѣченъ изображенный на полѣ листа воинъ со щитомъ западной формы, вся сцена изображаетъ убіеніе князя Андрея Боголюбскаго, при чемъ одинъ изъ нападающихъ наноситъ ударъ князю длиннымъ мечемъ съ волнистыми лезвіями, и этотъ мечъ онъ держитъ двумя руками. Очевидно этотъ мечъ относится къ характернымъ нѣмецкимъ мечамъ большихъ размѣровъ, часто съ волнистыми лезвіями и съ длинной рукоятью для двухъ рукъ; этого рода мечи были въ большомъ употребленіи въ Швейцаріи, и въ особенности у нѣмецкихъ ландскнехтовъ въ XV и даже въ XVI ст.

Къ нѣмецкимъ типамъ мы также относимъ тѣ изображенные въ рисункахъ лѣтописи мечи, которые не имѣютъ заостренныхъ концовъ, а кажутся обрѣзанными, напоминая собою извѣстный типъ такъ называемыхъ мечей «правосудія» въ Германіи.

Въ боевыхъ сценахъ нашей лѣтописи главнымъ метательнымъ орудіемъ изображается обыкновенно лукъ и стрѣлы. Благодаря торопливому рисунку части лука не ясно выражены въ новыхъ контурахъ, но по характеру выгиба натянутыхъ луковъ у стрѣляющихъ воиновъ можно смѣло предположить, что изображенные луки относятся къ типу такъ называемыхъ «сложныхъ». Этотъ типъ еще яснѣе замѣчается въ сохранившихся старыхъ контурахъ, какъ это можно замѣтить на л. 192 (об.) и

на слѣдующемъ 193. Въ обѣихъ сценахъ сохранившійся древній контуръ луковъ ясно обличаетъ срединную часть или державу, къ которой примыкаютъ соединенныя съ ней выгнутыя боковыя части. Что касается арбалетовъ то, на сколько можно замѣтить, въ старыхъ контурахъ они не встрѣчаются, а появляются лишь въ новыхъ контурахъ ближе къ концу лѣтописи, и отличаясь въ данныхъ случаяхъ реальнымъ характеромъ, доказываютъ близкое знакомство иллюстратора съ этого рода западнымъ оружіемъ. Такъ напр. на л. 195 въ верхнемъ и нижнемъ рисункахъ изображены воины, стрѣляющіе изъ арбалетовъ и натягивающіе арбалеты, при чемъ въ нижнемъ рисункѣ особенно реальна фигура воина, натягивающаго арбалетъ: стрѣлокъ лѣвой ногой, втиснутой въ стремя, которымъ заканчивается сверху арбалетъ, прижимаетъ его къ землѣ, а двумя руками посредствомъ зубчатаго колеса натягиваетъ тетиву арбалета. На той же картинкѣ припавшій къ землѣ воинъ раненъ стрѣлой того типа, который составляетъ особенность арбалетныхъ стрѣлъ: стрѣла эта коротка и вмѣсто перьевъ у основанія имѣетъ кожаныя лопасти (ср. цинк. III. 16); поза стрѣляющаго изъ арбалета воина указываетъ своей изысканностью на руку западнаго рисовальщика.

Во второй части лѣтописи къ новому контуру нужно отнести и введеніе пушекъ въ изображеніяхъ, относящихся къ осадѣ городовъ. Особенно ясно такого рода изображеніе на л. 209 (об.), гдѣ изображается осада Новгорода князьями: въ изображенной круглой башнѣ, символизирующей Новгородъ, внизу въ большомъ отверстіи изображена большая пушка, лежащая на треугольной подставкѣ, весьма характерной для бомбардъ XV в. въ Германіи (ср. цинк. III. 17). Здѣсь же изображено и убійственное дѣйствіе этого орудія: пущенное изъ пушки ядро, попавшее въ лошадь, опрокидываетъ ее вмѣстѣ со всадникомъ. Интересно отмѣтитьтакже, что новгородцы бросаютъ на осаждающихъ цѣлый дождь камней [1]).

1) Такое бросаніе камней изъ крѣпостей или городовъ встрѣчается много разъ въ миніатюрахъ лѣтописи и представляетъ несомнѣнно западный спо-

Подобное изображеніе пушки встрѣчается на л. 236 (об)., а также на л. 201.

Такимъ образомъ изображенія арбалетовъ и въ особенности пушекъ фигурируютъ лишь въ тѣхъ рисункахъ лѣтописи, которые находятся ближе къ ея концу, гдѣ изображеніе этихъ орудій и вводилось впервые въ рисунки лѣтописи—новымъ рисовальщикомъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ рисовальщикъ пририсовывалъ пушки кое-гдѣ въ рисункахъ, относящихся къ началу лѣтописи; такъ напр. на л. 20 об., на рисункѣ, изображающемъ нападеніе Симеона Болгарскаго на Царьградъ, пририсована пушка безъ всякой связи съ конструкціей самой крѣпости.

Изъ числа разнаго рода оружія копья менѣе всего поддаются объясненіямъ, такъ какъ небрежная рисовка лишаетъ ихъ характерныхъ деталей, и сводитъ всѣ изображенія копій къ одному шаблонному типу.

Что касается до изображенія мечей, то они по формамъ и размѣрамъ весьма разнообразны и мы уже упоминали о нѣкоторыхъ формахъ, изображенныхъ подъ вліяніемъ германскихъ типовъ; другіе мечи отличаются древнимъ типомъ съ параллельными лезвіями и болѣе позднимъ типомъ, въ которомъ клинокъ съуживается постепенно къ концу. Часто въ рисункахъ лѣтописи мечъ, не теряя своего прямого назначенія, представляетъ наиболѣе употребительный знакъ достоинства или власти: такъ князь, сидящій на престолѣ, обыкновенно изображается съ мечемъ въ рукѣ, или же мечъ находится возлѣ него. Князь, отправляя сына на княженіе, вручаетъ ему мечъ, какъ знакъ его будущей власти. Только въ рѣдкихъ случаяхъ въ этомъ значеніи мечъ замѣняется копьемъ. Многіе мечи имѣютъ сходство съ

собъ защиты городовъ; въ русскихъ миніатюрахъ защита камнями, сколько помнимъ—не встрѣчается. По всему вѣроятію на Руси такого рода защита не могла имѣть мѣста за бѣдностью самого матеріала — камня. Въ нѣмецкихъ изображеніяхъ, относящихся къ стариннымъ памятникамъ письма и даже скульптуры—защита камнями является обычнымъ фактомъ.

изображенiемъ мечей въ житiи Св. Бориса и Глѣба и въ византiйскихъ изображенiяхъ воиновъ.

Нами уже было замѣчено, что изображенiе сабли отличается весьма реальнымъ характеромъ; но кромѣ того въ рисункахъ лѣтописи часто встрѣчаются сабли съ расширеннымъ къ концу лезвiемъ, при чемъ конецъ обыкновенно срѣзывается наискось, а тылье иногда украшается вырѣзкой; такого рода сабли весьма обычны въ старинныхъ нѣмецкихъ изображенiяхъ, относящихся въ особенности къ событiямъ священной исторiи; вмѣстѣ съ римскимъ вооруженiемъ они встрѣчаются даже и въ рисункахъ Мантеньи. Часто мечи и сабли въ рисункахъ лѣтописи, изображающихъ битвы, представлены въ огромныхъ размѣрахъ, выражающихъ не болѣе какъ наивный прiемъ рисовальщика, желавшаго этимъ усилить впечатлѣнiе битвы.

Къ числу рѣдкаго оружiя, изображенiе котораго мы встрѣчаемъ въ нашей лѣтописи и которое не встрѣчается въ русскихъ лицевыхъ рукописяхъ, должно отнести дубины или палицы различныхъ формъ: однѣ изъ нихъ напоминаютъ быть можетъ булавы съ обработанной тройной верхушкой. Вообще аналогичныя изображенiя мы находимъ въ изображенiи Вильгельма Завоевателя на извѣстномъ коврѣ Матильды и въ Нюренбергской хроникѣ (ср. цинк. II. 13. 14 и II. 15). Другiя изображенiя лѣтописи приближаются больше къ натуральной сучковатой дубинѣ, которую можно, какъ намъ кажется, сравнить съ русскимъ ослопомъ.

Прекрасный матерiалъ для аналогiи съ указанными нами изображенiями мы встрѣчаемъ въ Нюренбергской хроникѣ на стр. 12; здѣсь изображенiе этой палицы весьма подходитъ къ изображенiямъ этого оружiя и въ нашей лѣтописи, кромѣ того бьющiйся палицей воинъ вооруженъ также щитомъ-тарчемъ, встрѣчаемымъ также въ рисункахъ нашей лѣтописи.

Наконецъ слѣдуетъ еще упомянуть о рѣдкихъ изображенiяхъ особаго оружiя—кистеня, прикрѣпленнаго къ палкѣ; такого рода оружiе извѣстно на западѣ; это оружiе извѣстно было и у насъ, и его изображенiе находится въ рисункахъ Герберштейна,

представляющихъ русскихъ всадниковъ, только здѣсь размѣры его совершенно иные: они вообще короче, чѣмъ въ рисункахъ нашей лѣтописи.

Среди музыкальныхъ инструментовъ въ рисункахъ нашей лѣтописи большую роль играютъ трубы прямой формы; рѣже встрѣчаются выгнутые рожки, наконецъ у нѣмецкихъ герольдовъ сложныя трубы, т. е. трубы съ изогнутымъ добавочнымъ колѣномъ; внѣ военныхъ сценъ въ изображеніи «игрищъ между селами» (л. 6 об.) мы встрѣчаемъ турецкій барабанъ и особеннаго рода трубу съ раздутой шарообразной серединой для усиленія звука; этотъ древній чисто западный инструментъ, который у Віоле-ле-Дюка въ «Dictionnaire raisonné du mobilier français» на стр. 250 описывается подъ названіемъ Choro или Chorum (цинк. I. 1). Изображеніе этого инструмента издано Буслаевымъ (Апокалипсисъ, стр. 244—рисунокъ А. Дюрера) (см. цинк. I. 2).

Что касается стяговъ, или знаменъ, то въ рисункахъ лѣтописи они изображаются обыкновенно тканью треугольной формы, сильно удлиненной и заостренной въ одну сторону; древко стяга заканчивается вверху чолкой, иногда просто копьемъ.

Къ концу лѣтописи на л. 232 мы встрѣчаемъ стягъ русскихъ воиновъ, древко котораго заканчивается крестомъ надъ луною; стяги половцевъ на слѣдующей страницѣ оканчиваются серповидной луной, тоже на л. 176 (об.) — рисунокъ внизу.

На л. 223 (об.) стягъ украшенъ посреди монограммой.

Упомянемъ еще объ изображеніяхъ тѣхъ топоровъ, которые встрѣчаются въ рисункахъ лѣтописи обыкновенно въ рукахъ у работающихъ плотниковъ. Эти топоры по большей части небольшихъ размѣровъ съ удлиненнымъ обухомъ, выступающимъ за линію деревянной рукояти или топорища, какъ напр. на л. 81 (об.); въ ихъ размѣрахъ и формахъ нельзя признать характерныхъ топоровъ русскаго плотника, но особенно интересно изображеніе топора на л. 99 (об.) съ заостренной и удлинен-

ной нижнею частью, и съ вырѣзкой въ серединѣ въ формѣ буквы Т, — что этотъ топоръ чисто нѣмецкій XV вѣка на это несомнѣнно указываетъ намъ рисунокъ XI («Ной строитъ ковчегъ»)[1]) Нюренбергской хроники (см. цинк. III. 18).

Въ заключеніе отмѣтимъ тѣ рисунки, въ которыхъ особенно выражаются реальныя бытовыя черты, представляющія поэтому культурный историческій интересъ. На л. 232 (об.) и 242 (об.) изображены половецкія вежи, или особаго рода повозки, на столько оригинальныя по своему устройству, что даютъ поводъ предполагать въ авторѣ рисунка знакомство съ современными ему степными повозками этого рода, такъ какъ собственно традицій половецкихъ повозокъ въ данномъ случаѣ трудно предположить. На л. 133 (об.) весьма интересный рисунокъ изображаетъ погребеніе половецкаго князя Тугоркана Святополкомъ; погребеніе совершается подъ Берестовымъ на распутьѣ дорогъ, идущихъ въ Берестовое и въ монастырь; самая мѣстность представляетъ здѣсь округленные холмы, напоминающіе погребальные курганы, быть можетъ иллюстрирующіе самое выраженіе лѣтописи: «и погребаша на Берестовомъ, на могилѣ»... При свѣтѣ факеловъ, весьма интересныхъ по формѣ, рабочіе начинаютъ копать яму заступами, сбоку Святополкъ наблюдаетъ за работой, очевидно дѣйствіе происходитъ ночью или вечеромъ, такъ какъ работа происходитъ при свѣтѣ огня. Факелы изображены въ видѣ желѣзныхъ рѣшетчатыхъ сосудовъ на длинныхъ палкахъ, въ сосудѣ вѣроятно смола или смолистые сучья. Рисунокъ сохранилъ ясные слѣды древняго контура, и мы можемъ видѣть въ этой сценѣ сохранившуюся традицію того языческаго погребенія на Руси, о которомъ разсказано у Нестора. Въ этомъ

---

1) Лезвіе топоровъ небольшого размѣра древняго коричневаго контура обыкновенно послѣдующими поправками дѣлается шире, приближаясь къ формѣ обыкновенныхъ тяжелыхъ топоровъ, напоминающихъ въ то же время топоры (сѣкиры) нормановъ на коврѣ Матильды и топоры изъ раскопокъ кургановъ Водской пятины, сдѣланныхъ Ивановскимъ и изъ нашихъ раскопокъ въ Пассельнѣ.

рисункѣ особенно цѣнно несомнѣнное указаніе на вечернюю или ночную пору погребенія.

Одинъ рисунокъ знакомитъ насъ съ способомъ рѣшенія судьбы первомучениковъ въ Кіевѣ посредствомъ жребія; по этому рисунку рѣшеніе судьбы узнается выкидываніемъ игральныхъ костей, которыхъ три, обозначенныхъ шестью, пятью и тремя точками съ одной стороны; несомнѣнно эти три кубическихъ кости представляютъ намъ полный комплектъ игральныхъ костей, которыя встрѣтились намъ при раскопкѣ кургана, относящагося къ X вѣку. Страсть къ игрѣ въ кости въ X ст. засвидѣтельствована даже указомъ Оттона Великаго (952 г.), и существовала въ Германіи позднѣе подъ названіемъ—«Würfelspiel».

На л. 37 об., гдѣ говорится о Святославѣ Игоревичѣ, что онъ—«взя градъ копьемъ», выраженіе это поясняется тѣмъ, что одинъ изъ воиновъ ударяетъ копьемъ въ стѣну города, въ то время, какъ копья другихъ воиновъ обращены кверху совершенно въ другую сторону. Здѣсь очевидно смыслъ упомянутаго лѣтописнаго выраженія понятъ иллюстраторомъ лишь буквально.

На одномъ рисункѣ, сцена изображаетъ уплату денегъ, производимую такъ называемыми гривнами кунъ, т. е. слитками серебра плоской и овальной формы.

Изображенія лодокъ въ рисункахъ лѣтописи отличаются значительнымъ разнообразіемъ какъ формъ, такъ и самой техникой, что̀ указываетъ по нашему мнѣнію на знакомство рисовальщика съ типами различныхъ судовъ, но небольшого размѣра, либо на заимствованіе имъ этихъ формъ изъ разнаго матеріала. Здѣсь мы встрѣчаемъ лодки, которыя заканчиваются съ одной стороны птичьими головами (Олегъ предъ Царьградомъ), другія лодки заканчиваются звѣриными головами. Такія мотивы украшенія лодокъ, какъ извѣстно, встрѣчаются у норманновъ, но наши лодки отличаются совершенно инымъ характеромъ. Лодки съ звѣриными головамя находятъ скорѣй аналогію въ рисункѣ,

находящемся въ «Biblia pauperum», гдѣ изображается Іона, выбрасываемый въ море.

На л. 234 внизу на битву съ половцами смотрятъ князья, сидящіе на особомъ возвышеніи или террасѣ съ двускатной крышей, это возвышеніе напоминаетъ совершенно тѣ ложи, которыя устраивались для почетной публики во время турнировъ, а также и почетное сѣдалище въ комнатѣ средневѣковаго барона.

Этими замѣчаніями мы ограничиваемъ обзоръ обширнѣйшаго матеріала, который намъ представляетъ Кенигсбергская лѣтопись.

Закончимъ нашъ краткій обзоръ миніатюръ Кенигсбергской лѣтописи слѣдующими общими выводами:

I) По нашимъ наблюденіямъ вышеупомянутыя миніатюры изготовлялись пятью мастерами, работы которыхъ можно распредѣлить послѣдовательно слѣдующимъ образомъ:

а) Контуры рисунковъ, сдѣланные коричневымъ черниломъ, относятся къ болѣе древнимъ иллюстраціямъ, чѣмъ контуры рисунковъ той же лѣтописи, сдѣланные черной краской и наконецъ вишневой.

б) Въ болѣе древнихъ контурахъ коричневымъ черниломъ, одноцвѣтнымъ съ текстомъ Лѣтописи, мы усматриваемъ три различныхъ пошиба, или руки: къ первому, наиболѣе древнему пошибу, можно отнести тѣ миніатюры, фигуры которыхъ выдѣляются прямоносыми лицами, большими глазами, хорошимъ рисункомъ драпировокъ; всѣ эти качества указываютъ по нашему мнѣнію на то, что авторъ такихъ миніатюръ хорошо былъ знакомъ съ русской школой иконописи, хранившей традиціи византійской школы; работы этого мастера, сдѣланныя перомъ, и немногими прозрачными красками, находятся вообще въ живой и серьезной связи съ самимъ текстомъ лѣтописи. Миніатюры этого пошиба преобладаютъ во всей лѣтописи и часто являются за-

мѣтными подъ слоями новыхъ черныхъ контуровъ и новыхъ болѣе густыхъ и разнообразныхъ красокъ.

в) Работы другого рисовальщика тѣмъ же коричневымъ контуромъ отличаются большой смѣлостью композиціи свободнымъ реализмомъ въ передачѣ типовъ и положеній фигуръ, не имѣющихъ замѣтной связи съ шаблоннымъ характеромъ композицій иконописной школы.

г) Работы третьяго рисовальщика тѣмъ же коричневымъ контуромъ выдѣляются отсутствіемъ пропорцій въ фигурахъ одной и той же миніатюры, и случайными введеніями въ композиціи вставныхъ фигуръ, заимствованныхъ съ чужеземныхъ оригиналовъ,—что причиняетъ отсутствіе единства въ его композиціяхъ. Вообще его работы въ художественномъ отношеніи можно считать наиболѣе слабыми.

д) Несомнѣнно, что рисунки перваго пошиба принадлежатъ рукѣ русскаго иллюстратора; по всему вѣроятію русскимъ можно считать и второго иллюстратора; рисунки третьяго иллюстратора, имѣющаго неустойчивый ученическій характеръ, могутъ быть также отнесены къ той же категоріи русскихъ иллюстраторовъ.

е) Болѣе новыя иллюстраціи, сдѣланныя красками чернаго цвѣта, и по всему вѣроятію кистью, старательно искажаютъ болѣе древніе рисунки коричневаго контура, прикрывая ихъ кромѣ того новымъ слоемъ болѣе густыхъ и болѣе разнообразныхъ красокъ; измѣненія старыхъ иллюстрацій новымъ иллюстраторомъ выражается главнымъ образомъ въ измѣненіи плановъ композиціи и размѣровъ фигуръ, въ осложненіи прежней композиціи прибавками новыхъ дѣйствующихъ лицъ и перемѣнами позъ у крайнихъ фигуръ; эти перемѣны приводятся въ связь съ добавочными фигурами, изображенными уже на поляхъ лѣтописи внѣ линіи текста. Кромѣ того черный контуръ характеризуется пририсовками отдѣльныхъ фигуръ и животныхъ на поляхъ рукописи, при чемъ въ изображеніяхъ этого рода не замѣчается связи съ текстомъ лѣтописи. Въ рисункахъ чернаго контура кромѣ того замѣчается, въ особенно-

сти во второй половинѣ Лѣтописи, сильный наплывъ изображенiй иноземнаго характера, преимущественно нѣмецкаго, причемъ эти изображенiя представляются намъ въ большинствѣ случаевъ не простыми снимками съ нѣмецкихъ оригиналовъ, а продуктами его *собственныхъ представленiй* о знакомой для него западной жизни.

ж) Въ силу этихъ признаковъ автора рисунковъ, сдѣланныхъ чернымъ контуромъ, можно считать нѣмцемъ, знающимъ хорошо западный бытъ, и мало знакомымъ съ русскимъ церковнымъ бытомъ. Въ художественномъ отношенiи рисунки этого рисовальщика, отличаясь вообще торопливостью и небрежностью исполненiя выражаютъ стремленiе къ реальнымъ изображенiямъ событiй даже съ ихъ мелкими подробностями.

з) Послѣднiй контуръ (5) сдѣланный чернилами вишневаго цвѣта и перомъ, встрѣчается рѣдко и лишь дополняетъ иногда украшенiя конской сбруи у всадниковъ.

II. Что касается хронологическихъ признаковъ означенныхъ миніатюръ, то мы должны замѣтить, что въ рисункахъ коричневаго контура начиная съ перваго пошиба, наиболѣе древняго, уже встрѣчаются таковаго рода заимствованiя западныхъ одеждъ и въ особенности вооруженiй, которыя можно отнести къ различнымъ эпохамъ среднихъ вѣковъ, но въ числѣ заимствованiй (какъ мы думаемъ вообще традицiонныхъ) преимущественно встрѣчаются однако одежды и вооруженiя, относящiяся несомнѣнно къ XV столѣтiю, а потому этими изображенiями можно установить дату коричневыхъ рисунковъ Лѣтописи. Что же касается до рисунковъ чернаго контура, то они всецѣло могутъ быть отнесены, лишь къ XV столѣтiю, и притомъ ко второй его половинѣ.

III. Но не смотря на то, что мастеръ, по всему вѣроятiю, нѣмецъ, старался прикрыть и измѣнить работы коричневаго контура, въ рисункахъ Лѣтописи все-таки сохранились, хотя и мѣстами, рисунки русскихъ мастеровъ, дающихъ весьма цѣнный матерiалъ для исторiи русскихъ лицевыхъ рукописей и

представляющихъ въ тоже время иногда весьма интересныя данныя для русскаго быта, а равно для инородческаго населенія древней Россіи.

Ограничивая свою задачу краткой характеристикой миніатюръ Кенигсбергской Лѣтописи, мы полагаемъ, что вопросъ о мѣстѣ производства означенныхъ миніатюръ не относится прямо къ поставленной нами задачѣ, но тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ выставить тѣ предположенія по поводу этого вопроса, которыя находятся въ связи съ нашей настоящей работой.

1) Первая миніатюра Лѣтописи, помѣщенная на л. 3, изображаетъ построеніе Новгорода: здѣсь славяне ильменскіе рубятъ деревья и дѣлаютъ срубъ; миніатюра эта иллюстрируетъ слѣдующія слова текста: «И содѣлаша городъ и нарѣкоша Новъ-городъ», между тѣмъ сбоку этой миніатюры на полѣ листа читается надпись, служащая заглавіемъ для рисунка, и очевидно написанная послѣ окончанія его; надпись эта читается такъ: «Новгородъ великій». Очевидно эта надпись, не совпадая съ текстомъ Лѣтописи, выражаетъ собою понятіе иллюстратора о Новгородѣ, ему современномъ. Должно предполагать, что ни въ Московской, ни въ Суздальской Руси иллюстраторы не могли бы сдѣлать такой надписи въ концѣ XV вѣка: только истый Новгородецъ могъ еще вѣрить въ величіе Новгорода до окончательнаго разгрома его Иваномъ III. Поэтому мы вправѣ предполагать, что надпись эта сдѣлана Новгородцемъ, такъ же какъ и самые рисунки древняго контура, и сдѣлана при томъ раньше, чѣмъ совершилось окончательное паденіе Новгорода [1]). Такого рода предположеніе съ другой стороны совпадаетъ съ тѣми изображеніями упомянутыми нами выше, гдѣ Новгородцы изображаются сидящими на равнѣ съ Суздальскимъ Княземъ, хотя послѣдній и держалъ ихъ долгое время въ заключеніи. Замѣтимъ также, что Новгородцы выдѣляются здѣсь особенными головными уборами.

1) Эпитетъ «Великій», хотя и былъ обычаемъ, но въ XV ст. онъ имѣлъ болѣе всего смысла для Новгородца.

Мы упоминали выше, что финское племя «чудь» выдѣляется реально изображенными одеждами, а это племя было особенно близко извѣстно новгородцамъ.

Объ употребленіи иноземныхъ коней именно въ Новгородѣ упоминаетъ Никитскій.

Особенное обиліе нѣмецкихъ вліяній въ миніатюрахъ, даже и у предполагаемыхъ нами русскихъ иллюстраторовъ, заставляетъ именно къ Новгороду отнести иллюстраціи Лѣтописи, такъ какъ въ XV ст., именно въ этомъ городѣ могло быть особенно сильно знакомство съ нѣмецкой культурой.

Въ заключеніе можемъ сказать, что взгляды покойнаго Буслаева на исторію новгородской культуры не противорѣчатъ высказаннымъ нами предположеніямъ по поводу вопроса о мѣстѣ производства миніатюръ Кенигсбергской Лѣтописи.

В. Сизовъ [1]).

1) Неожиданная смерть, заставшая автора помѣщаемой статьи за корректурами, не помѣшала появленію его изслѣдованія. Работа оказалась вполнѣ законченной въ томъ объемѣ, который предполагалъ дать ей покойный. Редакція считаетъ своимъ долгомъ сообщить, что В. И. Сизовъ не прекращалъ дальнѣйшаго изслѣдованія миніатюръ Кёнигсбергской лѣтописи, и въ послѣднія недѣли своей жизни обратилъ вниманіе на совершенно новый и чрезвычайно интересный нѣмецкій источникъ — иллюстрированную редакцію нижненѣмецкаго судебника, извѣстнаго подъ именемъ Sachsenspiegel. Лицевые экземпляры этого нѣмецкаго памятника относятся всѣ къ XIV вѣку и дошли до насъ исключительно въ рукописяхъ. Оставляя открытымъ вопросъ, какими путями этотъ памятникъ могъ оказать вліяніе на русскую миніатюру, В. И. Сизовъ справедливо настаивалъ на своемъ главномъ выводѣ, что нѣмецкіе элементы миніатюръ Кёнигсберской лѣтописи датируются почти исключительно концомъ XV вѣка и находятъ ближайшую аналогію въ гравюрахъ извѣстной Нюренбергской хроники 1493 года. «Саксонское Зерцало» служитъ однако по мнѣнію автора прекраснымъ комментаріемъ для пониманія той симвонической манеры, которая сказывается въ такъ называемыхъ «приписовкахъ» миніатюръ Кёнигсберской лѣтописи Дрезденскій лицевой списокъ Саксонскаго Зерцала содержитъ между прочимъ такую-же перерисовку контура, какъ и Кёнигсбергская лѣтопись; манера перерисовки вѣроятно вообще считалась дозволенной въ нѣмецкомъ художественномъ ремеслѣ.

Таблица I.

Таблица II.

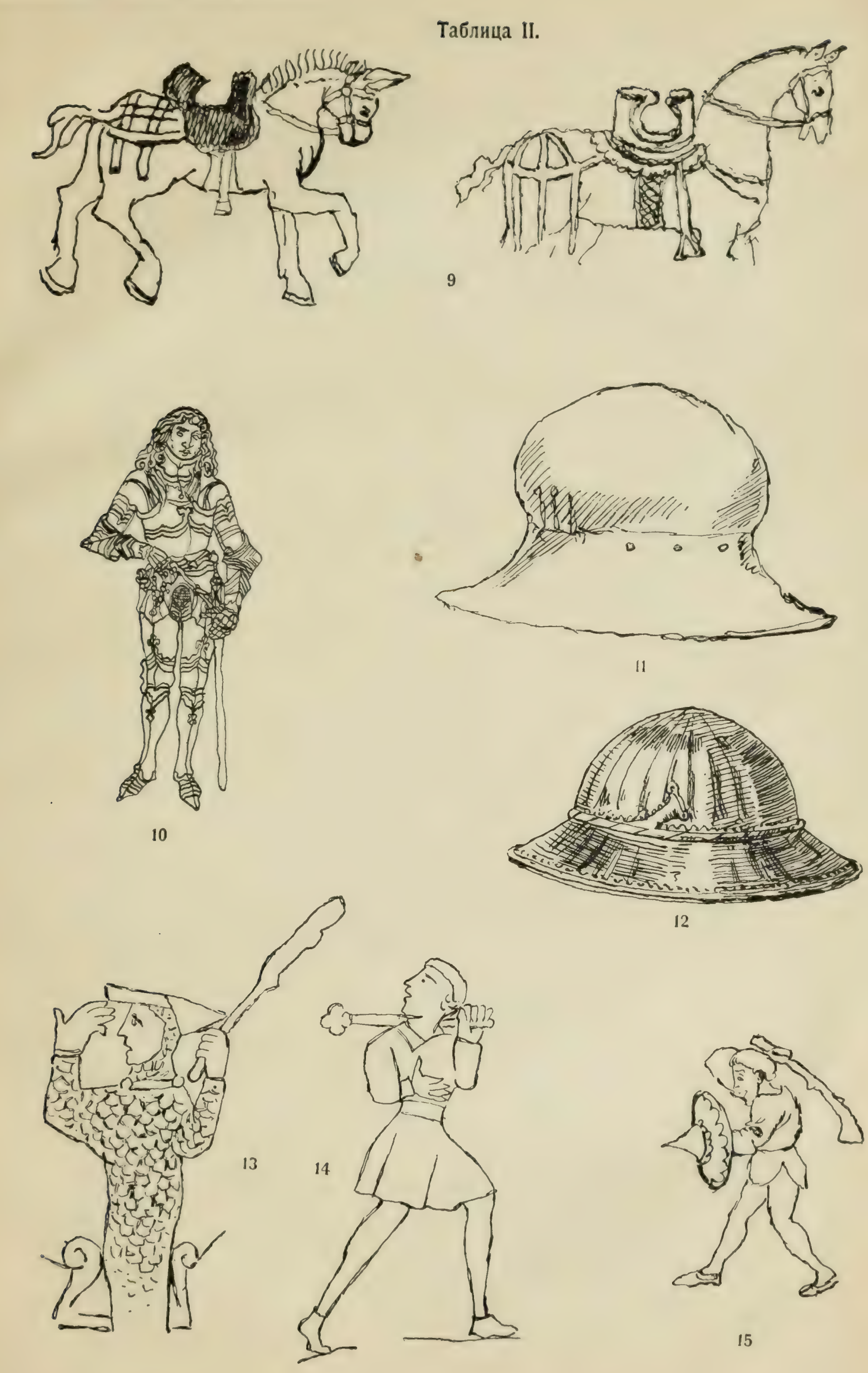
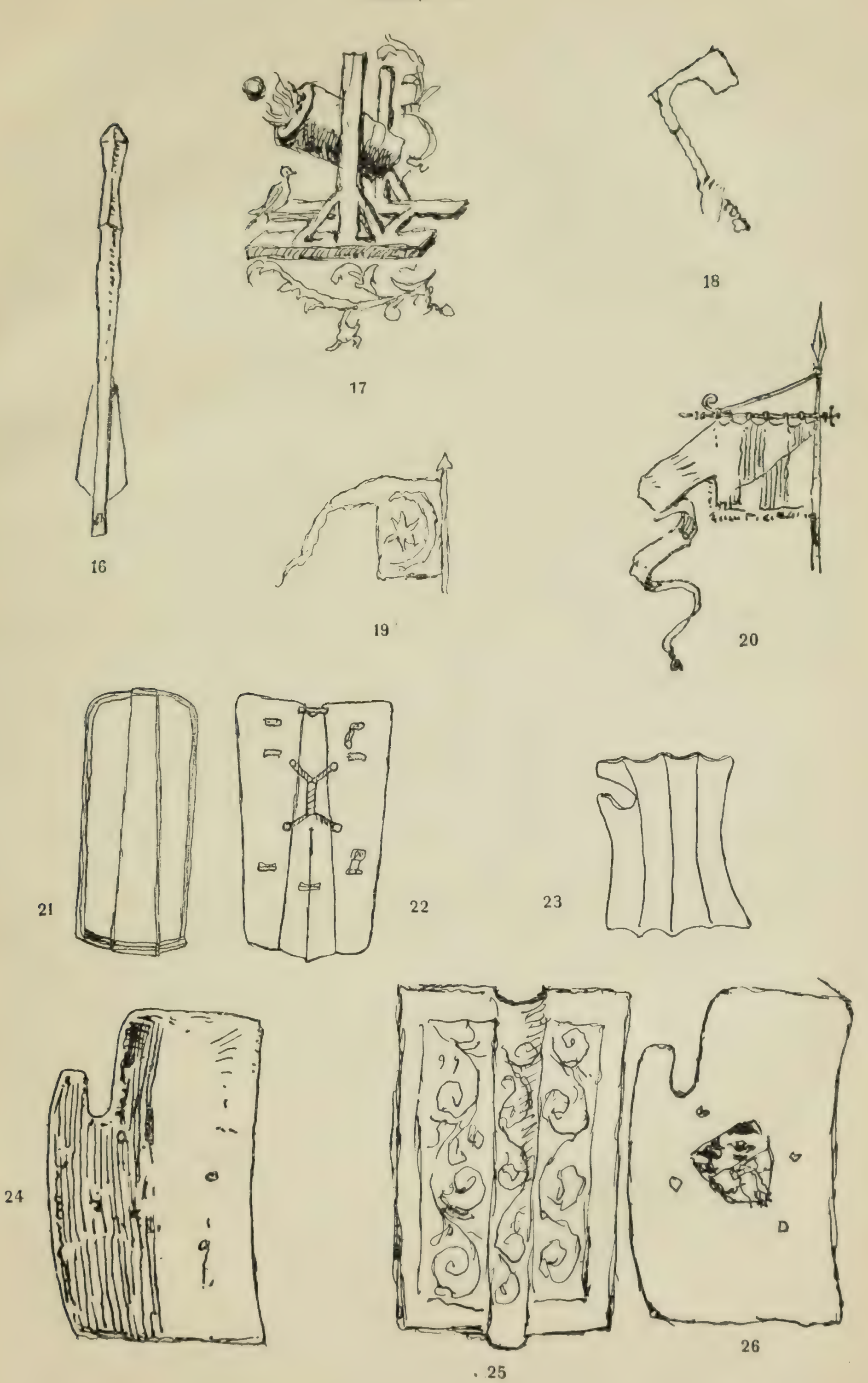

Таблица III.

0-10

